

Библиотека
психоанализа

Эро
Рехардт

Ключевые проблемы психоанализа

Избранные труды

Библиотека психоанализа

Эро Рехардт

**Ключевые проблемы
психоанализа. Избранные труды**

«Когито-Центр»

2004

УДК 159.964.2
ББК 88

Рехардт Э.

Ключевые проблемы психоанализа. Избранные труды /
Э. Рехардт — «Когито-Центр», 2004 — (Библиотека
психоанализа)

ISBN 978-5-89353-275-3

Эро Рехардт принадлежит к первому поколению финских психоаналитиков. Он внес значительный вклад в развитие психоанализа в Финляндии, в Восточной Европе и в мире в целом. Его книги переведены на многие языки и известны в ряде стран. Работы Рехардта посвящены решению важнейших вопросов теории психоанализа. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.964.2
ББК 88

ISBN 978-5-89353-275-3

© Рехардт Э., 2004
© Когито-Центр, 2004

Содержание

Предисловие	6
Научные труды Эро Рехардта	7
Разновидности Танатоса: о месте агрессии и деструктивности в психоаналитической интерпертации	9
Введение	9
Агрессия, деструкция и Танатос в работах Фрейда	10
О разновидностях Танатоса	14
Литература	25
Как интерпретировать влечение к смерти?	26
Введение	26
Цель влечения к смерти	28
Некоторые ключевые либидо-экономические констелляции	29
О проявлениях и производных влечения к смерти	31
Парадоксальная двойная функция влечения к смерти	32
Экономическая проблема в нарциссической психопатологии: последний шаг к теории влечения к смерти	33
Роль влечения к смерти в общей психической динамике	34
Процесс связывания	35
О различных значениях смерти. Почему «влечение к смерти»?	36
О различных интерпретациях теории Фрейда о влечении к смерти	37
Интерпретация влечения к смерти по Аристотелю или по Галилею?	38
Заключение	40
Литература	41
О психологии деструктивности	43
О различиях между агрессивностью человека и агрессивностью животных	43
Агрессивность – базовое инстинктивное влечение?	45
Агрессивное поведение – неизбежное зло?	47
Об альтернативах агрессивному поведению	49
Литература	51
Связывание, нарциссическая патология и психоаналитический процесс	52
Процесс связывания	52
Страх перед несвязанным и управление им: метапсихология психической травмы	56
Процесс связывания в нарциссической психопатологии	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эро Рехардт
Ключевые проблемы
психоанализа. Избранные труды

Предисловие

Мерья Рехардт

Мой отец принадлежит к первому поколению финских психоаналитиков. Как и многие его современники, он вынужден был специализироваться по психоанализу за границей, поэтому в 1957–1960 гг. наша семья жила в Швеции.

В Финляндии он работал дома. Мой отец всегда был страстно увлечен своей работой. Его глубокая преданность своему делу у нас, детей, вызывала недоумение, замешательство и даже ощущение чего-то великого и увлекательного, происходящего у него в кабинете. Комната казалась оваянной торжественной тайной, и мы иногда даже подглядывали за пациентами, когда они ждали своей очереди в прихожей.

С течением лет мое детское любопытство постепенно поблекло и перешло в профессиональный интерес. Постепенно тайна исчезла, когда я получила психоаналитическое образование. Пару лет назад я неожиданно вновь оказалась в атмосфере моего детства. Отец попал в больницу с внезапным приступом болезни и очень скоро вынужден был оставить работу психоаналитика. Это означало, что дом нашего детства нужно было покинуть. Мне пришлось освободить кабинет отца. Вновь я подглядывала, как в детстве. Полная любопытства и изумления, я просмотрела все его работы, опубликованные и неопубликованные их части. Казалось, осталось очень многое из того, что я помнила с детства. Делая эту работу, я снова ощутила то прежнее чувство восхищения. Сколько этот человек успел передумать и написать!

Прошлой весной ко мне обратилась группа психиатров, которые намеревались собрать материалы и опубликовать книгу, посвященную трудам всей жизни моего отца. Они предложили мне включиться в эту работу и подобрать подходящие рукописи. Возникло приятное чувство, что материалы, которые я недавно собирала, оценили и они так быстро попали по назначению.

Книга, естественно, включает лишь малую часть написанного моим отцом и состоит в основном из набросков к его основной работе «Танатос, стыд и другие эссе», написанной вместе с Пентти Иконеном и опубликованной только по-фински в 1994 г. Я надеюсь, что эта работа будет переведена на английский язык в ближайшем будущем, чтобы по возможности расширить круг ее читателей.

Я хотела бы поблагодарить команду психиатров Бруно Таайамаа, Тапани Тамминен и Кари Пилккэнен. Без их участия этой книги не было бы.

Я также благодарю Стюарта Макдоуэлла за его любезную помощь.

Я благодарна Пентти Иконену, Хенрику Энкелю, Лене Клокарс и Айре Лайне за их ценный личный вклад.

Научные труды Эро Рехардта

Пентти Иконен

Написать *a croquis*¹ об Эро Рехардте как коллеге по научной работе – задача и приятная, и трудная. Я близко общался с ним в процессе совместной исследовательской работы и написания работ в соавторстве, и именно об этом я хочу рассказать. Все прочие личные приятные моменты, которые работа с Эро принесла мне, таким образом, будут оставлены вне картины.

Я встретился с Эро в Стокгольме в середине 1950-х годов на небольшом празднике, организованном шведскими психоаналитиками и кандидатами. Мы тогда обменялись несколькими словами. Мы познакомились лучше в 1960-е годы, когда в Финляндии была основана Психоаналитическая учебная группа и позднее Финская психоаналитическая ассоциация.

Только в конце 1970-х годов мы начали работать вместе как исследователи и соавторы. Не зная о содержании работ друг друга, мы оба выражали сомнения по поводу концепции агрессивного инстинкта как исходя из собственного опыта, так и на основании обзора аналитической теории, и мы оба искали партнера для того, чтобы исследовать этот вопрос более тщательно. В результате нескольких случайных дискуссий мы поняли, что у нас сходный подход к определенным проблемам, и так началась наша совместная деятельность. Ее первым продуктом был доклад по теории инстинкта смерти на Северном психоаналитическом конгрессе в конце 1970-х годов и его напечатание затем в журнале *Scandinavian Psychoanalytical Review*. Подстегиваемые вдохновением и удовольствием от нашей совместной работы, мы занялись дальнейшими исследованиями. Часть материалов и результатов, которые мы получили, мы включили в доклады, представленные по разным поводам, и статьи, написанные для многих изданий. Поощряемые интересом, который выражали наши слушатели и читатели, мы отредактировали некоторые статьи, внесли в них последние уточнения, а затем издали их в форме книги. Иными словами, наш совместный труд состоял в помощи редактору.

Благодаря годам аналитической работы мы получили в свое распоряжение большое количество материала. Обилие материала и его анонимность очень помогали в исследовании по нашей тематике.

То, как работал Эро, характеризовалось определенным гражданским мужеством и независимостью. Он был способен изменить свою точку зрения. Тот факт, что некоторые находки или предварительные теоретические выкладки не соответствовали принятым стандартам мышления, его не беспокоил. Но, кроме того, он не пестовал и не защищал такие наблюдения, которые могли быть ошибочными, или теоретические модели, которые без подтасовок не вытекали из материала, которым мы располагали. Как будто в своем отношении к нашей совместной работе он все время полагался на старую поговорку: «Бойтесь строителя систем, аки голодного льва».

Когда Эро мысленно перерабатывал что-то, что мы обсуждали, он часто закрывал глаза, откидывался назад и выглядел рассеянным, а то и просто крепко спящим. Некоторые свои комментарии он произносил, по-прежнему не открывая глаз, другие только после того, как открывал их и оглядывался, как бы возвращаясь откуда-то, где пребывал перед этим. Комментарии ясно показывали, как много работы и какого рода он проделал в своем уме.

Если он постигал что-либо в собственном сознании или находил фрагмент теории особенно плодотворным, он быстро разрабатывал это с помощью дополнительных примеров, расширяя или сужая теоретический фрагмент, изменяя его уровень абстрагированности. Если он не находил обсуждаемого наблюдения в своем сознании или если теоретическая модель

¹ Эскизно, наброском (*фр.*).

казалась ему неподходящей – как будто наблюдение помещено было в прокрустово ложе, – он говорил: «Хмм, я не вполне уверен...», либо оставлял это, либо подходил к этому под каким-нибудь другим углом; у него не было обыкновения немедленно начинать сыпать доводами. Это поддерживало открытую атмосферу исследования и оставляло пространство для беззаботного энтузиазма, но также для критики, которая следила за тем, чтобы энтузиазм оставался в безопасных границах. Когда слишком много энтузиазма или слишком много критики уводили нас в сторону и нам приходилось возвращаться на прямой и узкий путь, он предлагал довольно реалистичное утешение: «Мы заплатим за это стыдом». Подавленность и раздражение, вызванные тем, что мы сошли с правильного пути, от этого слабели.

Насколько я понял, Эро думал, что самая важная вещь в теории – это ее «устойчивость для использования», как важна устойчивость для выходящей в море лодки, какими бы другими великолепными свойствами она ни обладала. В соответствии с этим он скорее ценил тех, кто раскачивал лодку, чем шарахался от них. Будь то тексты или люди, они являлись ценной проверкой устойчивости. Если понимать дело так, то оппоненты могут быть желанны как товарищи, а не носители угрозы.

Нашей совместной работе пришел конец, когда Эро начал свой великий труд по организации и проведению психоаналитического обучения балтийских, эстонских и восточноевропейских специалистов, интересующихся психоанализом.

Нейтральность и воздержанность Эро как исследователя никогда не менялись. Хотя мы работали вместе годами, обсуждая многие вопросы, его взгляды на мир или на жизнь никогда не всплывали ни в каком контексте. Они оставались в стороне. Эта сдержанность помогала создать атмосферу свободы и дружбы в нашем исследовании.

Разновидности Танатоса: о месте агрессии и деструктивности в психоаналитической интерпретации

Пентти Иконен и Эро Рехардт

Введение

Неудовлетворительное состояние психоаналитической теории агрессии ясно показывают недавние публикации, круглые столы и конгрессы, посвященные этой теме. Ситуация, пожалуй, даже ухудшилась, поскольку психоаналитическая точка зрения часто вытесняется бихевиористским подходом, так что рассматривается агрессивное поведение вместо стоящего за этим поведением намерения (см., например, статью Р. Эджкомб и Дж. Сандлера на эту тему: Edgumbe, Sandler, 1974). Попытки найти поддержку психоаналитической теории агрессии в биологии оказались столь же бесплодными. Одной из важных причин этой нерешительности и колебаний была неясность наших представлений о природе психоаналитического подхода или научной сущности психоанализа.

Важным толчком для тех мыслей, что будут здесь изложены, послужил ряд недавних исследований относительно научной природы психоанализа (Arel, 1968; Habermas, 1965; Lesche, 1976; Radnitzky, 1970; Ricoeur, 1970) и природы психоаналитической процедуры (Ikonen, Rechardt 1976a). Не вдаваясь в подробности, следует отметить то, что становится все более очевидным и ясным: психоанализ является отдельной наукой, имеет собственную точку зрения, собственный подход и уровень опыта, которые отнюдь не следует путать с точками зрения и подходами, скажем, бихевиоризма или биологии.

Тезисы, которые мы собираемся здесь изложить, основаны на клиническом опыте и на пересмотре трудов Фрейда в свете того, что было сказано выше. Мы предлагаем в этой работе такую точку зрения: психоаналитическую теорию агрессии не следует ограничивать только отношением к агрессивным и деструктивным формам поведения и соответствующему им психическому содержанию, а следует вернуть ее к ее исходным пределам, вновь сделав ее теорией Танатоса. Под Танатосом здесь будет пониматься упорное, постоянно активное инстинктуальное² стремление к переживанию состояния покоя: попытки избавиться от того, что переживается как нарушающее покой, и/или того, что поддерживает нарушение покоя. Смерть является лишь одной конкретной формой состояния покоя, а разрушение – только одним конкретным средством стремления к состоянию покоя. Центральное и доминирующее намерение Танатоса, его конечная цель – это именно покой в той или иной форме, достигнутый тем или иным способом. В плоскости психоанализа речь идет не о биологическом принципе, который можно показать, а о доминирующем психическом стремлении. Теория либидо открыла новые возможности видения, продемонстрировав, как многочисленные разнообразные формы удовольствия являются на самом деле взаимозаменяемыми проявлениями одного и того же сексуального либидо. Теория Танатоса, в свою очередь, намерена показать, что существует широкое разнообразие психических событий – некоторые из них по своему намерению разрушительны, тогда как другие отнюдь не разрушительны и являются альтернативными формами одного и того же переживаемого стремления к состоянию покоя.

² Здесь и далее сохраняется принятое англоязычными авторами разделение инстинктивного (принадлежащего биологическим инстинктам) и инстинктуального (принадлежащего Ид и, следовательно, психике). – *Прим. пер.*

Агрессия, деструкция и Танатос в работах Фрейда

Садизм и инстинкты самосохранения

Фрейд уже в своих первых работах обращал внимание на агрессивные импульсы, направленные на объект. Первоначально он считал агрессию садистическим компонентом сексуального инстинкта и разграничивал сексуальные инстинкты и инстинкты самосохранения, причем последние, по его мнению, способны инициировать стремления, противоположные первым. Несколько позже, в своей работе «Три эссе о сексуальности» (Freud, 1905), он представил точку зрения, согласно которой при попытке овладения внешним миром оба типа инстинктов имеют потенциальную способность действовать агрессивно. Фрейд говорил об Эго во многих контекстах, подразумевая под этим термином ту часть психического функционирования, которая стремится к существованию некоего функционального целого. Эго участвует в конфликте между внешним миром и инстинктами; оно связано с инстинктами самосохранения и отвечает за сопротивление. В работе «Психогенные нарушения зрения» (Freud, 1910) Фрейд в первый раз заговорил об эго-инстинктах. Как инстинкт самосохранения, так и вытеснение являются проявлениями эго-инстинктов. На тот момент он считал, что инстинктуальный конфликт – это конфликт между либидо и эго-инстинктами (подробнее см.: Nagera, 1970).

Эго-инстинкты и деструктивность

В работе «Инстинкты и их разновидности» (Freud, 1915) Фрейд доказывал, что агрессия, направленная на объект, является не либидной, а происходит из эго-инстинктов. Агрессия является проявлением инстинкта самосохранения. Эта работа была крайне важной для психоаналитической психологии агрессии. Фактически сегодняшняя психоаналитическая психология агрессии опирается в большей степени на эту статью, чем на то, что Фрейд писал позже, в работе «По ту сторону принципа удовольствия».

В своей статье «Инстинкты и их разновидности» Фрейд утверждает, что первичное, самое раннее по развитию отношение Эго с внешним миром характеризуется равнодушием. Первично Эго любит только себя и находит удовлетворение в своем собственном существовании. Однако неизбежно приходится находить объект, освобождающий от инстинктуального давления и приносящий удовлетворение. Объект есть источник удовольствия, поскольку он приносит удовлетворение и облегчение, но он также источник неудовольствия и нарушения покоя. Он стимулирует через свое существование инстинктуальные импульсы, жаждущие удовлетворения и таким образом также подкрепляет переживания неудовлетворения. С появлением объекта в состоянии первичной любви к себе вторгаются ненависть и желание уничтожить нарушающий покой объект. Первичный отклик Эго на нарушающие покой стимулы внешнего мира характеризуется ненавистью и отвращением. Оно стремится защитить себя от нарушений покоя через равнодушие, уход, бегство или разрушение. Эго постоянно пытается уничтожить независимое, нарушающее покой существование объекта и вернуться к самому раннему безобъектному состоянию. Это проявляется сначала в попытках раннего эго, полностью посвященного удовольствию, инкорпорировать в себе приносящие удовольствие аспекты объекта и относиться враждебно ко всем другим его аспектам: все, что хорошо, находится внутри самого эго, тогда как внешний покой отвратителен и в нем нет ничего, чего стоило бы желать. Эта тенденция все еще заметна в догенитальной сексуальности. Эго оральной стадии склонно съедать и переваривать объект во всей его полноте. Обладать объектом и уничтожать его, чтобы

он больше не нарушал покоя, – это одно и то же. В течение анальной стадии собственническое желание эго проявляет себя в попытках полностью овладеть объектом – овладеть так, чтобы иметь возможность решить: владеть им или уничтожить его, и не оставлять ему никакого отдельного и независимого существования. В течение этих стадий субъект не способен провести различия между любовью и ненавистью. Независимое существование объекта лишь постепенно становится терпимым и приемлемым для субъекта.

Либи́до и деструктивност́ь как противоположности друг друга

Понятие нарциссизма (Freud, 1914) в некоторой степени затемняет различия между либидинозными инстинктами и инстинктами эго, поскольку оно равнозначно предположению, что эго может также быть объектом либидо и что в распоряжении эго есть некоторое количество либидо. Инстинкты самосохранения, или стремление эго защитить самое себя, как раз и являются проявлениями нарциссического либидо, содержащегося в эго. Таким образом, различие между эго-инстинктами и либидными объектными инстинктами полностью утратило свое значение. Осталось только противопоставление либидо, направленного на эго, так же как и на объекты, и, с другой стороны, те стремления, что проявляются как, например, равнодушные, попытки овладения и разрушения с целью самозащиты. В своей работе «За пределами принципа удовольствия» (Freud, 1920) Фрейд в конце концов пришел к новой классификации инстинктов – к теории Эроса и Танатоса.

Эрос и Танатос

В работе «За пределами принципа удовольствия» Фрейд вначале рассматривает тот факт, ставший теперь очевидным, что многие психические стремления не следуют принципу удовольствия. Согласно этому принципу, психика обычно стремится получать удовольствие и избегать неудовольствия.

Очевидно, однако, что психический аппарат нередко также стремится к неудовольствию как таковому, причем не только временно, из-за требований, навязываемых реальностью. Дети часто стремятся в своей игре повторить то, что они ранее переживали как неудовольствие и что при повторении также включает переживание неудовольствия. Невротик упорно продолжает повторять опыт неудовольствия как в своей жизни, так и в отношениях переноса в психоаналитической ситуации. После травматического переживания мучительная, вызывающая тревогу ситуация будет повторяться в уме человека вновь и вновь. Такого рода повторение, похоже, является предварительным условием для процесса исцеления.

Теперь возникает вопрос, как следует интерпретировать эту своеобразную тенденцию к повторению и каков ее психологический смысл. Фрейд доказывал, что речь идет о попытках овладения опытом, который вызвал нарушение покоя. Повторение предназначено для того, чтобы связывать, как он полагал, состояние нарциссического возбуждения того рода, которое вызывается либо внешним, либо внутренним стимулом³.

³ Фрейд несколько ранее пришел к выводу, что инстинкт самосохранения представляет собой нарциссическое либидо. Данное Фрейдом описание психологии травматического переживания легче понять, если не забывать о том, что повторение предназначено было связывать вовсе не приток различных сенсорных стимулов, имеющих отношение к травматической ситуации. Речь шла о нарциссическом либидо, стремящемся восстановить психический аппарат до состояния связности и единства, о нарциссическом либидо, которое было мобилизовано этой травматической сенсорной стимуляцией через лишение его возможности удовлетворения, лишение нарциссического объекта. Мобилизованное нарциссическое либидо будет плавать свободно и как бы не связано. Оно будет поддерживать возбуждение, и его необходимо связать с каким-то психическим содержанием, для того чтобы его можно было успокоить психическими же средствами. Тогда проще понять, почему случившаяся одновременно физическая травма, которая предоставляет либидо некий объект, легко воспринимаемый как объект, и которая способна это либидо связать, предотвращает возникновение травматического невроза.

Со связанной энергией можно затем справляться различными психическими средствами, так же как с любым другим психическим содержанием. Возникновению несвязанного нарциссического возбуждения будет противодействовать 1) щит, до некоторой степени прикрывающий от стимулов; 2) состояние подготовленности, или предвкушающего страха, мобилизующего контракатексис (психическое содержание), способный связывать такое возбуждение, и 3) одновременно произошедшая физическая травма, психическое переживание которой будет связывать нарциссическую либидную энергию.

Есть что-то инстинктуальное в самом компульсивном повторении. Оно кажется «действием беспощадной, демонической силы»⁴. Увлечшись идеей инстинктуального характера компульсивного повторения, Фрейд стал разрабатывать ее далее. Не может ли быть, что существует какой-то инстинкт повторения?

Если судить по биологическим наблюдениям, это представляется вполне возможным. Миграции животных и полеты перелетных птиц – это проявление некоторой инстинктуальной тенденции к повторению. Все случаи повторения имеют эту общую черту: они означают возвращение к более раннему состоянию вещей. Следуя этому, Фрейд рисует картину жизни как нарушение покоя, которое появилось в равновесии неживой природы. Каждая форма жизни есть путь обратно к неорганическому состоянию равновесия. Безжизненность – это самое раннее состояние всей жизни, самое раннее среди всех ранних состояний. В возвращении к безжизненному состоянию, свободному от нарушения покоя, жизнь должна проходить все более долгими окольными путями. Она склоняется к созданию все более крупных целых и к воспроизведению через сращение и генерирует напряжение, расширение и усложненность. Этим тенденциям жизни противодействует потребность снизить напряжение, разложить целое на составляющие и вернуться, наконец, к неорганическому состоянию.

Фрейд оказался перед обескураживающей идеей, что человеком может управлять инстинктуальная потребность уничтожать жизнь и что компульсивное желание повторения, стремление к овладению и к разрушению – это формы проявления этого инстинкта. Оба вида базовых инстинктов, инстинкты жизни и инстинкты смерти, имеют цель, общую для всех инстинктов: они стремятся восстановить более раннее состояние вещей. Инстинкты жизни стремятся повторять попытки, характерные для самых ранних форм жизни, нарушить состояние равновесия путем сращения, повысить напряжение и усложнить возвращение к неодушевленному состоянию. Инстинкты смерти, в свою очередь, пытаются восстановить статическое состояние и равновесие.

Фрейд пытался обосновать свое предположение о существовании инстинкта смерти примерами из биологии, в особенности результатами исследований условий, необходимых для жизни и смерти одноклеточных организмов. Он пришел к выводу, что биология хотя и не поддерживает предположение об инстинкте смерти, но и не противоречит ему. Так что он решил, что имеет возможность применить это предположение к сфере психологии, отложив биологию в сторону. Он цитирует Платона, чьи философские представления о характере жизни были сродни его собственным биологическим размышлениям. Здесь становится понятно, что биологические соображения Фрейда были для него способом попытаться найти модель, применимую к психологии.

После того как он нашел такую модель, он более не нуждался в биологии. Философия и мифология также предлагали ему плодотворные модели. Фрейд упоминает о конкретном фигуральном способе мышления, необходимом в психологии, который, однако, легко можно неверно трактовать.

⁴ В плане психоаналитической феноменологии инстинктуальное влечение именно и является беспощадным, неумолимым и продолжающимся стремлением, с которым приходится жить и которое стремится реализовать свою цель в различных формах и с различными объектами. Инстинкт, таким образом, отличается от стимула, который бывает мгновенным (Freud, 1915).

Наиболее существенным результатом этих размышлений было представление, что в человеческой психике работают две психологически различимые тенденции Эрос и Танатос. На деле эти две тенденции взаимодействуют множеством разнообразных способов, работая одновременно и оперируя либо в одном и том же направлении, либо в направлениях, противоположных одно другому, но одна никогда не будет превращена в другую и не потеряет свое независимое существование, как бы тесно ни они были порой переплетены.

Фрейд предполагал, что в человеческой психике действует тенденция к статическому равновесию. Принцип нирваны и принцип постоянства, попытки снизить напряжение или сохранить его, по крайней мере, постоянным – примеры проявления этой тенденции. Новая теория инстинктов означала возвращение к идеям старым, но теперь значительно обогащенным. Фрейд чувствовал, что здесь, в новой теории инстинктов, он стоит на более твердой почве, чем раньше. С течением лет он все больше убеждался в правильности этой теории, которая все полнее сочеталась с его системой взглядов.

Позднее Фрейд изменил свое первоначальное представление, согласно которому Эрос также представляет собой стремление к более раннему состоянию вещей. Вместо этого он особенно подчеркивал ту роль, которую Эрос играет как сила, повышающая напряжение, создающая более крупное целое и поддерживающая нарушение покоя. Буря и натиск жизни имеют своим источником Эрос, или инстинкты жизни. Танатос стремится к покою и работает в основном тихо и незаметно. Фрейд также оставляет в стороне вводные соображения, согласно которым Эрос нарушает космическое неодушевленное состояние умиротворенности, тогда как Танатос представляет собой попытки восстановить это состояние. Он обращается с тем и другим, как с психическими устремлениями: Эрос нарушает покой и обогащает жизнь, а Танатос проявляет себя в попытках индивидуума жить спокойно (Freud, 1923).

О разновидностях Танатоса

Цель Танатоса

Здесь мы переформулируем фрейдовскую теорию Танатоса в следующей, казалось бы, лишь немного модифицированной форме, которая, однако, открывает новые возможности видения: вместо того чтобы быть тенденцией, внутренне присущей всему одушевленному, стремиться к неодушевленному состоянию, Танатос, с точки зрения психоанализа, является упрямым, непрерывным и неумолимым стремлением, внутренне присущим человеку, к переживанию покоя и облегчения тем или иным способом и в той или иной форме. Агрессия есть одна из форм проявления этого стремления, а собственная смерть или уничтожение другого человека могут быть средством, которым индивидуум пытается достичь состояния покоя. Танатос, инстинкт смерти, – это название парадигмы, связанной с психическим функционированием. Исторически законно, пожалуй, будет сохранить это название, несмотря на то, что оно может порождать обманчивые представления.

Тексты Фрейда о Танатосе принято воспринимать с точки зрения биологии, поэтому их и не принимали в достаточной мере всерьез. Были попытки найти для агрессии биологическую модель, и считалось, что Фрейд основал свою теорию на ненадежных биологических построениях. Вопрос относительно биологических аспектов Танатоса «выходит за рамки» психоанализа; для психоанализа это метафизический вопрос, который не может быть разрешен в пределах его метода⁵. Что психоанализ может сделать здесь на эмпирическом уровне, так это исследовать, как Танатос работает в качестве принципа интерпретации.

Если рассматривать их с этой точки зрения, то Эрос и Танатос – это психические тенденции, независимые одна от другой. Эрос стремится поднять жизнь на новую высоту: он стремится к более крупным целям и к повышению энергетического напряжения. Основное направление его психического намерения – в сторону удовольствия (но не прочь от неудовольствия, а также независимо от нарушения покоя). Танатос стремится устранить то, что повышает энергетическое напряжение, и свести его к максимально низкому уровню (принцип нирваны) или, по крайней мере, сохранять его неизменным (принцип постоянства). Основное направление его психических устремлений – к состоянию покоя или относительного покоя, которое предшествовало нарушившей покой стимуляции (прочь от того, что нарушает покой, не в сторону удовольствия, но в сторону переживания покоя или облегчения).

⁵ Биологические построения Фрейда, лежавшие в основе его новой теории инстинктов, принадлежали, скорее, к сфере натурфилософии, чем к сфере естественной науки. Фрейда основательно критиковали, поскольку научное мышление прежде не принимало такого метода. Тексты Фрейда воспринимались как безуспешная попытка представить биологические данные в поддержку его взглядов, а не как попытка найти подходящий модус мышления. Недавние исследования по теории науки продемонстрировали квазинатуралистический характер этих научных размышлений Фрейда: они представляют собой естественную науку лишь по форме, а не по содержанию, содержанием является намерение и психика (Апель, Леше, и т. д.). Его биологические рассуждения можно также уподобить строительным лесам: Фрейд использовал их, чтобы выстроить теоретическую модель психики, и, когда сооружение было возведено, их следовало убрать, чтобы не портить вид здания. Если мы поймем это, то мы будем свободны при чтении текстов Фрейда, как и других психоаналитических текстов, подходя к ним с новой, плодотворной точки зрения: как к текстам, представляющим отдельную независимую научную дисциплину; и это поможет исправить некоторые искажения в психоанализе и определенные ошибочные представления о нем. Фрейд также не чурался описания определенных парадигматических принципов работы психики в виде образов, взятых из философии (Платон) и мифологии (миф об Эдипе) (см. также: Ikonen, Rechart, 1976a). Возникает только вопрос, не следует ли реформировать психоанализ таким образом, чтобы устранить включенные в него биологизмы, легко приводящие к заблуждениям, и заменить их чисто психоаналитической системой понятий (см., например: Schafer, 1975). Это, однако, повлечет за собой опасность, как бы реформатор не отказался от какого-либо понятия и/или метафоры или же какой-то модели рассмотрения психики, которую сам он не заметил или не понял. Это относится, например, к энергетическим моделям, которые многие психоаналитики не могут понять правильно.

Цель Танатоса может быть выражена лишь косвенно. Он не удовлетворяется каким-то конкретным объектом или действием, он удовлетворяется только состоянием, которое можно определить лишь негативно, состоянием, в котором не происходит никакого нарушения покоя. Необходимо будет определить нарушение покоя *ad hoc*, т. е. в каждом конкретном случае, и то же самое относится к тому действию, через которое происходит стремление к свободному от нарушения покоя состоянию. Когда мы говорим о «состоянии покоя», это всего лишь позитивное наименование, приблизительно описывающее состояние, которое определить можно только негативно. То же самое, когда мы говорим о состоянии равновесия.

Принцип удовольствия в форме, представленной Фрейдом, как стремление к удовольствию и прочь от неудовольствия (Freud, 1911), оказывается теперь явно вторичным формированием, комбинацией устремлений Эроса и Танатоса. Фрейд сам утверждает, что это такое проявление принципа Танатоса, как когда он модифицирован Эросом (Freud, 1920). Усилия достичь удовольствия и усилия избежать неудовольствия могут происходить в большей степени в соответствии с первичным процессом или в большей степени в соответствии со вторичным процессом. В первом случае мы сказали бы, что они более совместимы с чистым принципом удовольствия, в противоположность усилиям, совместимым с принципом реальности. В обоих случаях они могут действовать либо относительно отдельно друг от друга, либо быть практически друг с другом слиты.

Теория либидо показала, что широкое разнообразие форм сексуального удовольствия представляет различные формы одного и того же сексуального либидо. Соответственно, мы можем говорить о различных формах Танатоса. С этого момента, однако, мы должны говорить о «разновидностях» в значении более широком, чем Фрейд в его работе «Инстинкты и их разновидности». То, что имел в виду Фрейд, было разновидностями общих для всех инстинктов, таких как обращение на самого себя, переход от активного к пассивному и т. д. Фрейд с осторожностью говорил о возможности превращения одних форм либидо в другие. Существовало, однако, то, что катектическая составляющая варьирует от одного производного к другому. Происходит трансформация в катексисе и динамике, возможности воздействия психоаналитического метода также опираются на этот факт. Когда мы здесь говорим о различных разновидностях Танатоса, это означает, что Танатос имеет много производных, которые могут быть катектированы самыми различными способами. В этом смысле как либидо, так и Танатос в случае каждого индивидуума имеют множество разных возможных форм.

Взгляд Фрейда на агрессивный, или деструктивный, инстинкт был недвусмысленно ясным: это стремление, ставящее целью уничтожить объект или сам субъект. Он называл его одной из форм Танатоса или одним из инстинктов смерти. Когда понятие Танатоса ограничили так, чтобы оно охватывало только агрессивный инстинкт (Hartmann et al., 1949), это был шаг назад в психоаналитической теории. Мы хотели бы особо подчеркнуть, что, если психоаналитическую теорию агрессии ограничить так, чтобы она относилась только к (нейтрализованным или явным) агрессивным и деструктивным стремлениям, это будет столь же плохо совместимо с клинической работой, как если бы ограничить теорию либидо, скажем, только сосанием и его производными.

Что подразумевается под нарушением покоя и стремлением к состоянию покоя?

Мы предположили выше, что цель Танатоса – это устранить нарушения покоя. Мы предположили это, не подумав, что в точности означает нарушение покоя метапсихологически и переживаемое в опыте.

Мы начнем, как начал Фрейд в работе «За пределами принципа удовольствия», с рассмотрения травматической ситуации и компульсивного желания повторять. Нарушение покоя,

вызванное травматической ситуацией, – это поток несвязанной психической энергии (почти вовсе не имеющей психического содержания и формы), который был приведен в движение травматическим стимулом, когда нарциссическое либидо оказалось лишено своего объекта. Таким образом, речь идет именно о либидной энергии. Путем повторения⁶ делается попытка связать эту либидную энергию с образами, активностью, тревогой и, возможно, с другими аффектами. В смысле переживания это значит, что сначала диффузное и постоянное беспокойство, вегетативное возбуждение и неспособность сосредоточиться сменяются периодическими состояниями, в которых правит тревога и болезненные образы, ассоциируемые с травматической ситуацией как в состоянии бодрствования, так и в сновидениях. Успокоение произойдет позднее через связывание этих образов и тревоги путем различных защитных и других мер. Кроме того, те образы, которые есть у человека относительно того, что произошло, что могло произойти, что можно было сделать и что следует делать в сходных ситуациях в будущем, будут принимать все более четкую форму. Степень связывания, таким образом, возрастает различными путями. Здесь легко приходит на ум метапсихологическое предположение относительно природы нарушения покоя и того состояния покоя, которого пытаются достичь: нарушение покоя есть соотношение между либидной энергией, связанной менее развитым способом, и либидной энергией, которая связана более развитым способом, а успокоение означает некоторое развитие степени связанности.

Однако нарушение покоя имеет тот же самый характер, что и в нетравматических ситуациях. В таких ситуациях тоже либидная энергия, связанная менее развитым способом, является, с точки зрения либидо, связанного более развитым способом, нарушающей покой. Здесь важны как количественные отношения, так и временной фактор или ритм. Когда количество плохо связанного либидо превышает – благодаря, например, его быстрому нарастанию – способность индивидуума связывать ее далее на данный момент, это будет переживаться как нарушение покоя (Freud, 1920). Таким образом, нарушения покоя – это почти синоним тревоги, но первое более древнее, чем вторая. Тревога как разновидность аффекта является даже формой связывания. То же самое относится к другим аффектам, самый ранний из которых равен привязыванию возбуждения к филогенетическим, досимволическим формам реакций. Фрейд описал это, назвав аффекты примитивной истерией. Когда тревога принимает все больше психического содержания, она постепенно приручается до того, чтобы превратиться в сигнальную тревогу, т. е. психическое формирование, представляющее собой достаточно продвинутую степень связывания. Потому «нарушение покоя» – это не совсем то же самое, что аффект тревоги, его следует рассматривать как особую форму тревоги, а именно такую, которую мы называем травматической или которая переживается как сходная с ней по качеству. Ее изначально переживаемое проявление, которое можно переживать, по крайней мере, в мягких формах на протяжении всей жизни, – это безымянное беспокойство, которое может даже как таковое перерасти в безымянный ужас панического типа. Как метапсихологическое понятие психическая травма – явление относительное: это значит, что способность индивидуума к связыванию слишком сильно превышена на конкретный момент. Понятие актуального невроза близко к этому: актуальный невроз есть состояние нарушения покоя, вызванное плохо связанным либидо в результате длительной чрезмерной сексуальной стимуляции. Это переживает как опасность не только наличие дефектно связанного либидо, но и угрозу его появления. Например, актуальный невроз и переживание травмы соответствуют первому из них, а сигнальная тревога – второму. Вышеизложенные метапсихологические соображения проливают свет на различные формы тревоги и на вопросы о тревоге, предложенные Фрейдом, которые остава-

⁶ То же самое психическое содержание, те же побуждения к действию и аффекты повторяются, когда накапливается нарциссический, свободно мобильный катексис.

лись нерешенными (Freud, 1926). (По поводу связывания либидо и его соотношения с тревогой см.: Ikonen, Rechardt, 1976b.)

Согласно психоаналитическому пониманию, невротическое или другое психическое нарушение покоя наступает таким образом, что во время ранних стадий развития индивидуума возникают определенные способы овладения некими проявлениями либидо при условиях данного типа, т. е. конкретные методы умиротворения – привязывание его к примитивным способам использования, к ригидному контркатексису и к примитивным защитам. Это психические формации, которые из-за своей ригидности работают дефектно, а когда они становятся сильнее, то плохо сочетаются с психикой в целом. Нарастание давления либидо при таких обстоятельствах приведет к катектированию более ранних психических структур, к большей бедности и жесткости защит, к нарастанию тревоги и к подкреплению пугающих образов. Об угрозе, вызываемой архаическими формами связывания и конфликтами между более ранними и более поздними решениями, писал, например, Сандлер (Sandler, 1974).

Фрейд говорит о трех видах психической энергии, или о психической энергии, появляющейся в трех разных формах: (1) свободно движущаяся (*frei beweglich*), (2) тонически связанная (*tonisch gebunden*) и (3) подвижная (*mobile*) (см.: Gill, 1963)⁷. Свободно движущаяся энергия связана только предварительным образом (например, катексисы в Ид). Даже когда она связана предварительным образом, с ней можно обращаться в соответствии с чистым принципом удовольствия, подчиняясь первичному процессу, так, чтобы стремиться к немедленному удовольствию и стараться избежать немедленного неудовольствия (например, работа со сновидениями). Когда она становится сильнее, она бывает склонна к «буре и натиску», способствует беспокойству и переживается как беспокойство. Тонически связанная энергия встречается в формах, достаточно жестко связанных с различными психическими содержаниями и событиями, существование которых служит для обеспечения стабильности и текучести различных психических событий; но, когда она появляется в чрезмерном количестве, она способствует схематичности и ригидности. Некоторые случаи такого тонического связывания благоприятны и могут способствовать адаптации, тогда как другие могут поддерживать как бы патологические психические содержания, или психические содержания, предрасполагающие к патологии. Большинство психопатологических симптомов – это формы тонического связывания. Подвижная (мобильная) энергия имеет форму, в которой с ней можно обращаться без напряжений и не вызывая нарушения покоя. Она не была связана заранее ни с каким конкретным психическим содержанием, она нейтральна и готова ассоциироваться при необходимости с чем угодно в качестве гиперкатексисов, например, катексисов внимания⁸.

Увеличение количества подвижной (мобильной) энергии будет переживаться субъективно как возрастание автономии, эмансипации и как рост доступного набора образов, чувств и действий (Ikonen, Rechardt, 1976a, 1976b). Это увеличение количества энергии также означает освобождение от ригидных защитных структур, которые поддерживаются через контркатексис. Это основа «мобильной функции» Эго (Freud, 1925). Ее проявление – это переживаемое чувство свободы и спонтанности. С помощью подвижного катексиса индивидуум сможет также найти лучшие возможности удовлетворить свои более примитивно связанные и свои свободно движущиеся либидные энергии – свои «желания» – способами, совместимыми с реальными обстоятельствами. Тем самым улучшаются возможности избавиться от нарушения

⁷ В оригинальных текстах Фрейда использование понятий «*beweglich*» и «*mobile*» не вполне последовательно. В английских переводах для того и другого использовался термин «*mobile*». Представляется, однако, что Фрейд в основном использует термин «*beweglich*» и «*frei beweglich*», чтобы обозначить катексис Без и катексис Ид, тогда как термин «*mobile*» относится к катексису Псз-Сз и катексису Эго. Мы здесь предлагаем переводить «*beweglich*» как «движущаяся», а «*mobile*» как «подвижная».

⁸ Например, медитация в ее разнообразных формах, так же как и некоторые другие эзотерические практики, может, таким образом, быть понята как, например, возрастание и развитие подвижной энергии средствами тренировки внимания (ср.: Ornstein, 1972).

покоя и достичь состояния покоя. Как нам представляется, согласие с реальностью, или осознание принципа реальности, означает, что удовлетворение интегрировано в психику в целом: получение удовольствия не происходит за счет других удовольствий или покоя, а стремление к покою не происходит таким образом, который только увеличит нарушение покоя и будет чрезмерно препятствовать получению удовольствия. Исходя от этой отправной точки, возможно будет развить лучшее определение принципа реальности, чем то, которое используется сегодняшней теорией, а также получить лучший ответ на вопрос, что есть реальность с точки зрения психоанализа.

Формы Танатоса должны развиваться в направлении, при котором реальность в вышеуказанном смысле принимается в расчет все больше. Лучше всего это возможно осуществить через подвижный (мобильный) тип связывания, позволяющий потенциально получить неограниченное богатство идеационного и эмоционального содержания, но на самом деле по содержанию пустой. Самая развитая форма либидо – это его генитальный уровень, ответственный за воспроизводство и за сохранение вида (Freud, 1911). Самая развитая форма Танатоса соответствует подвижному связыванию, способности направлять и проявления либидо, и проявления самого Танатоса путем подвижного катексиса – способ, который согласуется с состоянием целого в каждый конкретный момент. Это также означает разрешение парадокса, к которому Анна Фрейд привлекла внимание на конгрессе в Вене (A. Freud, 1972): хотя характеристикой генитального либидо, кажется, является верность одному объекту, зрелые формы агрессии, похоже, характеризуются неверностью, способностью направляться на широкое разнообразие объектов (можно к этому добавить: способностью к широкому разнообразию форм).

О производных Танатоса

Из психоаналитической концепции инстинктов следует, что мы никогда не находимся с инстинктом в прямом соприкосновении, а только через его различные психические проявления. С их помощью мы можем отслеживать разновидности инстинкта и его различных производных. Теперь, когда мы предположили, что Танатос стремится поддерживать и/или восстановить состояние покоя, мы можем спросить, каковы основные типы его психических проявлений, через которые можно отслеживать его разновидности или которые находятся среди его разновидностей. Фрейд упоминает, по меньшей мере, следующие:

- охраняющий щит против стимулов (стимульный барьер)
- повторение
- агрессия и деструкция
- помощь либидо в получении удовлетворения
- мазохизм и садизм
- связывание через контркатексис
- деструктивность Супер-Эго
- негативная терапевтическая реакция
- отрицание (negation).

Мы вернемся к этим разновидностям Танатоса, описанным Фрейдом, ниже, когда будем рассматривать, как наше представление о Танатосе работает в клинических контекстах и интерпретациях. Следует отметить, что Танатос никогда не проявляется в одиночку. Он формирует неизменно присутствующий интерпретационный аспект, но всегда в сочетании с разновидностями либидо или Эроса. Здесь, однако, мы будем рассматривать психические события исключительно с точки зрения Танатоса⁹. По мнению Фрейда, Танатос – в целом немой

⁹ Следует помнить, что любое, какое угодно психическое событие можно, конечно, рассматривать как проявление и Эроса, и Танатоса. Это даже вытекает из концепции инстинктуального влечения и из динамической точки зрения психоанализа. Когда

инстинкт по сравнению с Эросом. И все же в основном он имел в виду его наиболее шумные проявления: агрессивность, деструктивность и компульсивное повторение.

Танатос и внешние стимулы¹⁰

Против стимулов, приходящих извне, психический аппарат может защитить себя при помощи охраняющего щита (Freud, 1920), тем самым поддерживать состояние покоя. Это явление встречается как в повседневной жизни, так и при проведении психологических экспериментов. Оно переживается как равнодушие и «толстокожесть». Состояние покоя может также быть восстановлено, если тем или иным способом устранить источник нарушения покоя: убежать от него, бороться с ним, прогнать его прочь или уничтожить. Другая возможность – это аутопластическая адаптация к внешним стимулам, т. е. изменение собственного состояния таким образом, чтобы данный стимул больше не нарушал покой. Это обычно происходит, если стимуляция длится долго.

Важно то, что одно и то же действие, стремление к состоянию покоя и уничтожение источника нарушения покоя может осуществляться различными из описанных способов: путем формирования охраняющего щита против стимулов, путем бегства, агрессивности и деструктивности или путем аутопластической адаптации. Все это различные проявления и разновидности Танатоса, из которых многие детерминированы филогенетически и досимволичны. Как нам представляется, они могут также переживаться как различные формы реализации одного и того же устремления.

Танатос и нарушения покоя, идущие от либидо

Основной источник нарушения внутреннего покоя – это Эрос. Против него психический аппарат не имеет никакого охраняющего щита. Его отсутствие отчасти компенсируется связыванием психической энергии или заменой свободного катексиса частично связанным катексисом. Вслед за этим становится возможным увеличение степени связывания и других катектических психических событий, нацеленных на дальнейшее снижение нарушения покоя (Freud, 1920). Сновидения и приступы тревоги, повторяющие травму, пытаются овладеть мощным потоком инстинктуальной энергии, стимулированной травмой (см. сноску 1 выше), путем привязывания ее к аффекту тревоги и различным образам («Что следовало бы сделать?», «Что могло бы случиться?», «Что на самом деле произошло?» и т. д.), т. е. путем привязывания ее к конкретному психическому содержанию и придания ей той или иной психической формы. Когда некая система катектируется заранее под угрозой мощной стимуляции (одно из значений

мы стремимся характеризовать общее направление Эроса и направление Танатоса, мы обнаруживаем, что сформировать представление о Танатосе как об общем принципе без конкретного содержания легче, чем сформировать такое же представление об Эросе. Танатос можно охарактеризовать как общее стремление уйти прочь от того, что нарушает покой. Его переживаемое в опыте выражение обычно характеризуется такими качествами, как «избавиться», «хватит уже», «достаточно», «легко отделиться», «кончено» и т. д. Основное направление Эроса можно характеризовать как ненасытное, безграничное стремление к удовольствию. Типичными для него будут такие качества, как «недостаточно», «еще» и т. д. С этим трудно разобраться в переживании, потому что желание всегда имеет цели и задачи. Ницше в нескольких словах сказал нечто очень существенное об Эросе и Танатосе: *Больш говорит: Исчезни! И все же всякое желание жаждет вечности, — жаждет глубокой, глубокой вечности.* Если мы посмотрим на психические события в соответствии со второй теорией инстинктов, мы будем обращать внимание на то, как и когда там происходят усилия в направлении покоя и как и когда происходит усилие в направлении ненасытного желания. Проявления Танатоса, которые будут описаны здесь, – это различные психические события, часто представляющие собой целое сравнительно большого объема, содержащее стремление избавиться различными способами от различных типов нарушения покоя.

¹⁰ «Внешние стимулы» в истинном смысле этого слова возможны только для живых существ: живое существо каким-то конкретным образом реагирует на них или совершает направленные на них действия. Черта, разделяющая такие стимулы и стимулы, возникающие внутри индивидуума, на самом деле является совсем нечеткой.

тревоги), это послужит преградой против избыточного инстинктуального затопления путем привязывания его к контркатексисам.

Связывание свободной энергии и компульсивное повторение, ассоциируемое с ним, можно рассматривать просто как защитную меру. Более естественно будет представлять ее себе как проявление Танатоса и как событие, которое делает возможными настоящие защитные меры, придавая несколько связанную форму несвязанному, бесформенному беспокойству инстинктуальной энергии. Естественно, защиты в целом можно будет понимать как продолжение этого процесса, причем целью является успокоить переживаемое и избавиться от нарушающих покой инстинктуальных импульсов и их проявлений, сдвигая катектированные психические содержания и что-то делая с ними. Какой инстинкт или разновидности какого инстинкта представлены защитами, будут тогда вопросами, которые можно решать по мере того, как проблемы интерпретации просто следуют линиям, намеченным Хартманом, Крисом и Левенштейном (Hartmann, Kris, Lcwenstein 1949).

Стремление к покою, прочь от нарушений покоя, вызванных либидо, может привести к проявлениям более тяжким, чем защиты: к агрессии против объекта либидо, рассматриваемого как источник нарушения покоя, или к агрессивности, или к деструктивности по отношению к самому либидному желанию или его источнику, что проявляется в различных формах саморазрушения и агрессии, направленной на себя. В особенности отсутствующий объект, который не дает возможности удовлетворения, переживается как нарушающий покой «плохой объект». Стремление к покою и к тому, чтобы устранить нарушение покоя, тогда победит совершенно явно за счет либидо: покой и удовольствие противоположны друг другу, хотя нелибидные или антилибидные усилия могут быть вторично либидинизированы либо прямо, либо через регрессию в результате беспощадных усилий Эроса найти какое-то удовлетворение даже при ограниченных условиях, что поведет к садизму и мазохизму¹¹.

Вызванное либидо нарушение покоя можно, конечно, снять напрямую, через удовлетворение либидо, и в этом случае Танатос помогает либидо достичь удовлетворения (Freud, 1923).

В благоприятном случае, таким образом, удовольствие и покой могут совпадать. Самый обычный случай, однако, – это получение удовольствия ценой покоя или, напротив, стремление к покою путем отказа от либидного удовлетворения. Здесь следует также подчеркнуть зна-

¹¹ Первичное нарциссическое либидо удовлетворяется существованием самого Эго: его благополучием, целостностью и ростом. Соответственно, первичный Танатос проявляет себя как некий «черный нарциссизм», стремящийся к ненарушенной пустоте. Он стремится устранить и погасить и нарциссически, и объектно направляемое неудовлетворенное, несвязанное и нарушающее покой либидо. Клинические проявления этого черного нарциссизма – например, инфантильная апатия и анаклитическая депрессия. Эта аутопластическая форма танатозиса есть основа первичного мазохизма. В более позднем вторичном мазохизме Танатос также стремится несколько успокоить либидо, вызывая боль как результат его проявлений и/или в качестве предварительного условия для их существования. Вторичная эротизация боли часто создает, однако, неразрешимую ситуацию. В своих попытках успокоить и подавить либидо Танатос получает эффективную помощь от Супер-Эго. Когда проявления Танатоса помогают либидо получить удовлетворение и когда находятся внешние объекты, то могут развиваться активности, включающие агрессивные и садистические черты. Таким образом, смысл садизма может быть, например, таким: «Вот тебе, получи за то, что нарушаешь мой покой своим существованием и своим соблазном». Садизм может, однако, иметь также значение другого рода. Он может использоваться, чтобы создавать аутоэротическую стимуляцию или некоторое либидное опьянение. Возникновение такого либидного опьянения можно понимать таким образом, что жестокое, без любви обращение с объектом, с которым ассоциируются либидные связи, приводит, тем не менее, либидо в состояние необычайно интенсивного желания и исключительного отсутствия связывания через угрозу немедленной утраты объекта. Это переживается как аутоэротическая стимуляция или как избыток эротического возбуждения, для некоторых людей недостижимого в ситуации нормальной любовной жизни. Стремления Танатоса, которые не достигают внешних объектов, склонны находить аутопластические решения. Они стремятся к покою, уничтожая субъект. Если невозможно помочь либидо достичь какого бы то ни было удовлетворения и если искушающий объект или нарциссический объект невозможно устранить, то приходится подавить собственные либидные устремления. Клинические примеры этого можно наблюдать в анаклитической депрессии, в апатии и, возможно, при определенных психосоматических нарушениях и психозах. В психозах на самом деле обрубаются связи и с соблазняющим внешним миром, и с переживанием своего собственного тела, а также и с искушающим нарциссическим благополучием: «Если правая рука твоя искушает тебя, отсеки ее и брось ее прочь от себя». Следует указать еще раз, что речь идет не об объяснении обсуждаемых явлений, а об интерпретационном подходе к ним.

чение отсутствующего объекта, так как в этом случае путь, ведущий к покою и удовлетворению, отчасти перекрыт с точки зрения как либидо, так и Танатоса.

Консерватизм либидо (Mannoni, 1971) является результатом компромисса между ним и Танатосом. Психика пытается найти дорогу обратно к ситуациям, в которых удовлетворение, полученное либидо, когда-то приносило покой.

Регрессия может также в широком смысле быть интерпретирована как производное Танатоса: как возвращение на более раннее простое состояние, которое лучше поддается контролю, предшествует нарушению покоя и в котором его меньше. Сон и желание спать представляет собой желание уйти к покою и регрессии. Извечное и для всех одинаковое желаний, лежащее в основе сновидения, – это желание спать. Оно участвует в формировании каждого сновидения (Freud, 1900). Если интерпретировать его в соответствии со второй теорией инстинктов, это желание является проявлением Танатоса. Работа сновидения может на самом деле рассматриваться как аутопластическое психическое средство для обеспечения покоя сна в противовес усилиям Эроса.

Изначально Супер-Эго стремится сделать спокойными либидные отношения ребенка с его родителями, а позднее работает над тем, чтобы успокоить другие объектные отношения. Стремясь успокоить эти критически важные отношения, уязвимые в плане нарушения покоя, Танатос не признает компромиссов: моральные запреты направлены на покой через чистое разрушение; то, что морально нарушает покой, является абсолютно дурным и заслуживает уничтожения.

Танатос в некоторых клинических и психопатологических состояниях

Депрессивный аффект, когда он воспринимается как некие попытки, напоминающие «зимнюю спячку» (Joffe, Sandler, 1967), облегчить психическую боль (отсутствие нарциссического удовлетворения), возможно интерпретировать как проявление Танатоса (Rechardt, 1976). Таким образом, в старый вопрос об отношениях между депрессией и агрессией вносится некоторая ясность: агрессия и депрессия – это разные проявления Танатоса, часто взаимозаменяемые, но ставящие целью то же самое переживаемое состояние покоя¹².

Так называемую «самодеструктивность», связанную с употреблением успокоительных или злоупотреблением ими, со злоупотреблением алкоголем и наркотиками и с другими сравнимыми с этими аддикциями, можно представлять как стремление избавиться от каких-то болезненных и нарушающих покой переживаний при помощи онемения, успокоения и эйфоризации. Интерпретировать их как направленную на себя агрессию будет неточностью, как видно из того факта, что даже очень далеко зашедшее саморазрушение не уменьшает аддикции. Напротив, оно обычно увеличивает нарушение покоя и усугубляет аддикцию.

Различные стадии развития либидо предлагают модели того, как устранить нарушение покоя (Erikson, 1950; Glover, 1949; Sandler, 1965): сосать, кусать, вбирать в себя, выплевывать, экскретировать, пачкать нижнее белье, выбрасывать, вообще избавляться, удерживать, сохранять, контролировать, управлять, рассматривать, предъявлять для рассмотрения, «красоваться», проникать, принимать проникновение, вторгаться, соперничать и т. д. Все они могут в общем и целом и независимо от соответствующего либидного компонента служить средствами для устранения любого возможного нарушения покоя и достижения покоя. Либидо, конечно, будет участвовать в этом, и его целью будет достичь удовольствия в связи с этими различными психосексуальными модусами. С точки зрения Танатоса, основное в этих ситуациях то, что это средства устранить то, что нарушает покой, и достичь покоя. Если попытка не ведет к тому, что источник нарушения покоя устранен и покой восстановлен, значит, попытка была неудач-

¹² Депрессию можно характеризовать как аутопластическое решение, а агрессию как аллопластическое.

ной. Это можно видеть в случаях неадекватного использования психосексуальных модусов, когда результатом оказывается их бесплодное и вредоносное повторение (например, оральные, анальные и фаллические нарушения характера).

То же самое относится к агрессивности и деструктивности как средствам, используемым как в действии, так и в мысли. Достижение цели Танатоса не зависит от количества используемой агрессии или деструкции, а зависит от того, какой результат они дают. Даже широко-масштабные агрессия и деструкция не приведут к удовлетворительному результату, если их применение не устранило источник нарушения покоя и не восстановило покой или если одновременно появились новые нарушающие покой факторы в дополнение к старым. Новые нарушающие покой факторы могут возникнуть либо сами по себе, либо в результате исчезновения возможностей для удовлетворения либидо. Это проблемы, известные по различным состояниям нарушения психики.

Чем меньше количество энергии, используемой для того, чтобы устранить нарушение и восстановить состояние покоя, тем более эффективным и, кроме того, тем более удовлетворительным считается произведенное действие. Например, когда значимость различных хобби для психического здоровья рассматривается в свете возможностей, предоставляемых ими для «разрядки агрессивности», это выражение не слишком удачно. Аспектом этих хобби, приносящим больше всего удовлетворения, в большинстве случаев будет переживание эффективности, умения, элегантности и легкости, достигающееся путем тренировки, т. е. способность управлять нарушающими покой факторами, которые там присутствуют, а вовсе не возможность «разряжаться» и яриться, что лишь изредка включает само по себе нечто удовлетворяющее и успокаивающее¹³.

Если объект Танатоса неизвестен, необходимо попытаться найти источник нарушения покоя. Вопрос «Что со мной такое?» может повести к экспериментальным действиям и атакам, обычно направленным на какие-то объекты и обстоятельства во внешнем мире, не дающим никаких результатов, приносящих облегчение. Танатос не находит удовлетворения в нападении, а только в том, чтобы облегчить или устранить состояние нарушенности покоя.

Психика индивидуума может быть столь интенсивно подвергнута нарушению покоя, что она не способна выдержать даже еще немного. Индивидуум такого рода будет реагировать мощно даже на самые малые нарушения покоя и таким образом может производить впечатление, что он «дает волю своей агрессии», и создать иллюзию, что существует особая надобность агрессивности разряжать. Это, в свою очередь, может привести к искажению в работе психотерапии: человеку оказывается помощь в разрядке его агрессивности, что ему, по видимости, необходимо, вместо того чтобы помочь ему исследовать его болезненное состояние и найти облегчение от него.

Попытки устранить источник нарушения покоя могут осуществляться в соответствии с более или менее болезненными принципами «все или ничего» или «покой любой ценой», подчиняющимися первичному процессу. Для регрессивного пограничного пациента или психотика такие формы Танатоса обычны. Было бы неплодотворно интерпретировать эти события как представляющие собой неконтролируемые деструктивные тенденции или как проявления некоего первичного деструктивного инстинкта, поскольку то, что происходит, есть отчаянные попытки без достаточных к тому средств достичь состояния покоя и устранить его переживаемое нарушение.

¹³ Если нам удастся вбить гвоздь несколькими точными ударами, это дает нам больше удовлетворения, чем если долго колотить молотком, несмотря на то, что количество «разрядки», как можно было бы предположить, в последнем случае значительно больше.

О неагрессивных и тихих разновидностях Танатоса

Ниже будут предложены несколько разрозненных примеров, выбранных бессистемно, но представляющихся нам важными.

Все различные виды упорядоченности, приносящей покой тому, кто упорядочивает, являются проявлениями Танатоса. Вследствие этого порядок не является в принципе «скрытым способом удовлетворения агрессии», а агрессия, наоборот, может быть средством для стремления достичь покоя через порядок. Тем не менее, упорядочивание, конечно, точно так же, как и что угодно другое, может быть средством достижения многих видов либидного удовлетворения.

Существенным компонентом в переживании удовлетворения, которое дает эстетическая форма, является глубокое удовлетворение Танатоса. Опыт достижения правильной формы, совершенства, вневременности и т. д. – это, как нам представляется, проявления Танатоса. Потому что типичным для переживания красоты является в действительности то, что мы переживаем в ней нечто ненарушимое, равновесное и «правильное», что-то, что мы не хотим изменить ни в каком направлении, что-то, что мы хотим, наоборот, сохранить так, как оно есть. Исчезновение потребности в изменении, переживание безупречности представляет собой, таким образом, такого рода свободу от нарушения покоя, которой трудно достичь в других контекстах. «Результатом является чувство отдохновения и блаженства, чувство, что нашел, хотя бы на миг, мирную гавань, где отменена внешняя необходимость выбирать между чувственным удовлетворением и душевным покоем. Вот причина, почему немножечко красоты так необходимо, чтобы помочь нести бремя жизни» (Sachs, 1951).

«Утверждение – как замена объединения – принадлежит Эросу; отрицание (negation) – наследник выталкивания – принадлежит инстинкту разрушения» (Freud, 1925). Отрицание, которое, согласно Фрейду, является проявлением Танатоса, означает, что о чем-то думают и что-то признают не как нечто реальное, а как всего лишь образ. Самый отчетливый пример этого – когда формируется образ чего-то, что отсутствует. Особой значимостью обладает способность создавать для себя картины вещей, как присутствующих, так и отсутствующих, которые не соответствуют стремлению человека к удовольствию: «Это не то, чего я хочу, но я это себе, тем не менее, представляю». Самое очевидное проявление отрицания в динамике – это воздержание от действия (поскольку отрицаемый объект, ситуация или вещь не существуют здесь и сейчас), т. е. успокоение относительно действия, а самое высшее проявление этого будет успокоение на уровне аффекта, связанного с образом, или полное прекращение манипуляции им. Отрицание делает возможным покой, чтобы думать и рефлексировать.

Отрицание, вероятно, играет ключевую роль в развитии символической функции, или использования знаков как символов, где символ есть знак, стоящий вместо или являющийся репрезентацией чего-то, чего рядом нет и что часто даже не воспринимается как здесь и сейчас. Более того, символизация позволяет думать, что вещи не таковы, какие они действительно есть или какими они предполагались или желались. Процессы абстракции и обобщения заранее предполагают наличие отрицания. Через существование символической функции открывается безграничный простор для различных проявлений Танатоса, которые отнюдь не агрессивны и не деструктивны, например, для различных форм креативности. Она делает возможным овладение тем, что отсутствует вообще (Ricoeur, 1970).

В связи с этим следует, однако, отметить, что символическая функция и стремление к овладению отсутствующим делают также возможными определенные формы деструктивности, характерные единственно для человеческого вида: тенденцию и желание уничтожить то, что отсутствует и, значит, нарушает покой только в уме человека, а реально не нарушает покоя

вовсе, т. е. ту тенденцию и то желание, что ведут к самым катастрофическим формам человеческой деструктивности.

Разновидности Танатоса: объяснение или интерпретация – причина или возможность?

Здесь следует остановиться и задать вопрос, каково же, в конце концов, значение всего, что было сказано выше. Мы ни в коем случае не имели намерения найти упрощенческие объяснения. Полагать, что таково было наше намерение, – это все равно, что обвинять психоанализ в бесплодном пан-сексуализме, т. е. что он все объясняет как нечто сексуальное. С точки зрения психоанализа, как Танатос, так и Эрос присутствуют во всем, поэтому использование их в качестве объясняющих принципов привело бы только к бесплодным клише. Суть в том, что, если Танатос воспринимать описанным выше способом, то появляется больше доступных вариантов при попытках исследовать и интерпретировать его различные разновидности. Кроме того, можно будет довести до осознания и интегрировать в психику личности в целом прочие формы Танатоса, помимо агрессивности и деструктивности, направленных вовне или вовнутрь и происходящих либо в нейтрализованной, либо в ненейтрализованной форме. Агрессивность и деструктивность – это лишь возможные варианты среди множества других.

Если эти иные формы не замечать, то в клинической работе это может легко, хотя и необязательно, привести к такого рода искажениям Танатоса, как те, что возникли бы, если бы при исследовании либидо мы учитывали только какой-то один из составляющих его инстинктов. Если в интерпретации указываются только агрессивность и ее разновидности, это означает, что интерпретация неполная. Ключевой вопрос: что именно в данном объекте агрессии нарушает покой? – остается нерешенным. Различные проявления Танатоса могут также оказаться в конфликте друг с другом, и это можно будет учесть в интерпретации, если мы будем сознавать, что у Танатоса много проявлений. Принцип, правильный сам по себе с точки зрения психической гигиены, что не следует бояться осознания агрессивное и деструктивное психическое содержание, часто дегенерирует до того, что агрессивность и разрушение рекомендуют, когда открыто, а когда скрыто, в качестве модели Танатоса, в ущерб другим возможным решениям. Это равносильно пропаганде некоторой перверсии Танатоса в психотерапии. Намерение данной работы было показать как сублимированные, так и иные формы Танатоса в более широкой перспективе, а отчасти и в новом свете.

Вопрос в том, какие интегрированные и конструктивные способы существуют для человеческой психики, чтобы достичь удовлетворения своей жажды покоя¹⁴.

¹⁴ В то время, когда мы готовили эту статью, были опубликованы два исследования, представляющие мысли, во многих отношениях похожие на наши, несмотря на разные отправные точки (Smith et al., 1973; Sternbach, 1975). Подход обоих исследований к концепции агрессии выводит на определенные прикладные аспекты, похожие на описанные в данной работе.

Литература

- Apel K.-O. (1968). Szientifik, Hermeneutik, Ideologiekritik: Entwurf Einer Wissenschaftlehre in erkenntnisanthropologischer Sicht. *Man and World* 1: 37–63.
- Edgecumbe R. and Sandler J. (1974). Some comments on aggression turned against the self: a brief communication. *Int. J. Psycho-Anal.* 55: 365–367.
- Erikson E. (1950). *Childhood and Society*. New York; Norton.
- Freud A. (1972). Comments on aggression. *Int. J. Psycho-Anal.* 53: 163–171.
- Freud S. (1905). Three essays on sexuality. *S. E.* 7.
- Freud S. (1910). The psycho-analytic view of psychogenic disturbance of vision. *S. E.* 11.
- Freud S. (1911). Formulations on the two principles of mental functioning. *S. E.* 12.
- Freud S. (1914). On narcissism: an introduction. *S. E.* 14.
- Freud S. (1915). Instincts and their vicissitudes. *S. E.* 14.
- Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. *S. E.* 18.
- Freud S. (1923). The Ego and the Id. *S. E.* 19.
- Gill M. (1963). Topography and systems in psychoanalytic theory. *Psychological Issues*. Vol. III, 2. New York: Int. Univ. Press Inc.
- Glover E. (1939). *Psycho-Analysis*. London: Staples Press.
- Habermas J. (1965). Erkenntnis und Interesse. *Merkur* 19: 1139–1153.
- Hartmann H., Kris E. and Loewenstein R. M. (1949). Notes on the theory of aggression. *Psychoanal. Study Child.* 3–4: 9–36.
- Ikonen P. and Recharadt E. (1976a). The psychoanalytic interpretation. To be published in this Review.
- Ikonen P. and Recharadt E. (1976b). On the binding process. To be published in this Review.
- Joffe W. G. and Sandler J. (1967). On the concept of pain with reference to depression and psychogenic pain. *J. of psychosom. research*, 11: 69–75.
- Lesche C. and Stjernholm Madsen E. (1976). *Psykoanalysens videnskapsteori*. Kobenhavn: Munksgaard.
- Mannoni O. (1971). *Freud: The theory of the Unconscious*. London: Pantheon Books.
- Nagera H. (toim. 1970). *Basic Psychoanalytic concepts on the theory of instincts*. London: George Allen and Unwin Ltd.
- Radnitzky G. (1970). *Contemporary schools of metascience*. Goteborg: Akademiförlaget.
- Recharadt E. (1976). The Psychological structure of depression. *Psychiatria Fennica*, 1976: 193–198.
- Ricoeur P. (1970). *Freud and philosophy: Essay on interpretation*. New Haven and London: Yale University Press.
- Sachs H. (1951). *The Creative Unconscious*. Cambridge, Mass.: Sci-Art Publishers.
- Sandler J. and Joffe W. (1965) Notes on obsessional manifestations in children. *Psychoanal. Study Child.* 20: 425–438.
- Sandler J. (1974). Psychological conflict and the structural model: some clinical and theoretical implications. *Int. J. Psycho-Anal.* 55: 53–62.
- Schafer R. (1975). Psychoanalysis without psychodynamics. *Int. J. Psycho-Anal.* 56: 41–55.
- Smith H., Ping-Nie P. and Schweig N. A. (1973). On the concept of aggression. *Psychoanal. Study Child.* 28: 331–345.
- Sternbach O. (1975). Aggression, the death drive and the problem of sadomasochism. A reinterpretation on Freud's second drive theory. *Int. J. Psycho-Anal.* 56: 321–333.

Как интерпретировать влечение к смерти?

Пентти Иконен и Эро Рехардт

Введение

В этой статье мы выдвигаем точку зрения, согласно которой психоаналитическую теорию агрессии не следует ограничивать только отношением к агрессивному и деструктивному поведению и соответствующему психическому содержанию, а следует восстановить в ее исходном масштабе, чтобы объединить ее вновь с теорией влечения к смерти (Ikonen, Rechartdt, 1978, 1980a, b, c, 1993; Rechartdt, 1986; Rechartdt, Ikonen, 1986a, b). Таким образом, влечение к смерти является упорным и постоянно активным стремлением к переживанию состояния покоя: стремлением устранить то, что переживается как нарушающее покой, или то, что поддерживает нарушение покоя. Человек представляет себе смерть как крайнюю форму состояния покоя, а разрушение есть лишь одно конкретное средство в стремлении к состоянию покоя. Центральное и доминирующее намерение влечения к смерти, его цель и задача – именно покой в той или иной форме, который нужно обрести тем или иным способом. На уровне психоанализа речь идет не о биологически наблюдаемом принципе, а о базовом психическом стремлении. Теория либидо открыла новые возможности, продемонстрировав, что целый ряд форм удовольствия является на самом деле взаимозаменяемыми проявлениями одного и того же сексуального либидо. Теория влечения к смерти, со своей стороны, стремится показать, что существует широкое разнообразие психических событий, причем некоторые из них деструктивны, тогда как другие не деструктивны по своему намерению, те и другие являются альтернативными формами одного и того же стремления к состоянию покоя, т. е. стремления устранить то, что переживается как нарушающее покой.

Мы интерпретируем соображения Фрейда, лежащие в основе его второй теории влечений, в работе «За пределами принципа удовольствия» (Freud, 1920) как принадлежащие скорее к сфере натурфилософии, чем к сфере естественных наук. Тексты Фрейда были неправильно поняты как безуспешная попытка представить биологические данные в поддержку его взглядов, вместо того чтобы понимать их как попытку найти подходящую модель мышления. Его биологические спекуляции можно уподобить строительным лесам: Фрейд использовал их, чтобы построить теоретическую модель психики, и, когда строительство было закончено, их следовало убрать, чтобы они не портили вид здания. Фрейд утверждает, что биология, хотя и не поддерживает предположение об инстинкте смерти, но также и не противоречит этому предположению. Таким образом, он чувствовал себя свободным применить эту модель к области психологии и отставить биологию в сторону. После того как он нашел модель, применимую к психологии, биология была ему больше не нужна. Философия и мифология также предлагали ему плодотворные модели. Фрейд говорит о том, что психология нуждается в особом образном мышлении. Один из недостатков такого мышления в том, что его легко понять неправильно (Freud, 1920, p. 60).

«За пределами принципа удовольствия» – это пример глубокой и изящной натурфилософии. Работа содержит нечто, что можно было бы назвать биологической притчей. Мы думаем, что описание Фрейдом процесса борьбы между хрупкой жизнью и неорганической природой есть описание упорного желания покоя в психике человека.

Человеком управляет постоянное стремление устранить все, что нарушает покой. Это некоторым диффузным образом постоянно ощущаемая психическая реальность, а не какая-то абстракция или теория. Эта точка зрения является вдохновляющей. Она предлагает совер-

шенно новые возможности интерпретации в клинической работе. Мы намерились следовать по пути мысли Фрейда о том, как на самом деле работают разнообразные и часто противоречивые формы этой жажды покоя и что на самом деле ставится на карту при нарушении покоя. Упорное стремление положить конец нарушению покоя предлагает для клинической интерпретации абсолютно свежий путь по сравнению с концепцией агрессии, целью которой является разрушение. Конечно же, разрушение – это тоже одна из форм прекращения нарушения покоя. Любой внешний объект или источник в самом я, воспринимаемый как нарушающий покой, можно успокоить, уничтожив его. Смерть и разрушение – это крайние формы изгнания нарушений покоя, но формы далеко не единственные.

Цель влечения к смерти

Мы предлагаем расширенную интерпретацию фрейдовской теории влечения к смерти: с точки зрения психоанализа, влечение к смерти не есть тенденция, внутренне присущая всему живому, в противовес неодушевленному состоянию влечение к смерти есть упорное, постоянное, неумолимое стремление, внутренне присущее человеку, к переживанию покоя и облегчения тем или иным способом и в той или иной форме. Влечение к смерти есть название парадигмы, связанной с психическим функционированием. То, что касается биологических аспектов влечения к смерти, выходит за пределы психоанализа; для психоанализа это метафизический вопрос, который не может быть решен в рамках его метода. Что психоанализ может здесь сделать на уровне опыта, – это исследовать, как парадигма влечения к смерти работает в качестве принципа понимания и интерпретации.

Если рассматривать это таким образом, то Эрос и влечение к смерти – это психические тенденции, независимые одна от другой. Эрос стремится увеличить количество жизни: он стремится к более крупным целым и к повышению энергетического напряжения. Основное направление его психического намерения – в сторону удовольствия (но не прочь от неудовольствия, а также независимо от нарушения покоя). Влечение к смерти стремится устранить то, что повышает энергетическое напряжение, и свести его к как можно более низкому уровню (принцип нирваны), или, по крайней мере, сохранять его неизменным (принцип постоянства). Основное направление его психических устремлений – к состоянию покоя, или относительного покоя, которое предшествовало нарушившей покой стимуляции (прочь от того, что нарушает покой, не в сторону удовольствия, но в сторону переживания покоя или облегчения).

Цель влечения к смерти можно, таким образом, выразить только косвенно. Оно не удовлетворяется никаким конкретным объектом или действием, оно удовлетворяется только состоянием, которое можно определить лишь негативно, состоянием, в котором не происходит никакого нарушения покоя. Необходимо будет определить нарушение покоя *ad hoc*, т. е. в каждом конкретном случае, и то же самое относится к тому действию, через которое происходит стремление к свободному от нарушения покоя состоянию. Когда мы говорим о «состоянии покоя», это всего лишь позитивное наименование, приблизительно описывающее состояние, которое можно определить только негативно, как тенденцию прочь от чего-то.

Теперь мы подходим к вопросу: что такое нарушение покоя, которое возбуждает деструктивные силы влечения к смерти и другие его производные, чтобы восстановить состояние покоя? Либидо, не связанное и не имеющее цели, нарушает покой. Здесь значимы как количественные отношения, так и временной фактор или ритм. Когда количество дефектно связанного либидо превышает способность индивидуума связывать его или перерабатывать его каким-то еще образом на данный момент, например, благодаря той скорости, с которой оно прибывает, это будет переживаться как нарушение покоя. Оно мощно интенсифицирует различные производные влечения смерти. Чем более угрожающими являются хаос и беспомощность, тем более тяжело деструктивными, вероятно, будут эти производные. Нарушения покоя и бурление жизни происходят из Эроса. Несвязанное либидо проявляется в особенности в ранних фазах развития, в состояниях регрессии и в тяжелой психопатологии, но оно также постоянно производится психической динамикой.

Некоторые ключевые либидо- экономические констелляции

В нашей клинической психоаналитической работе мы имеем дело с психическими констелляциями, в которых угроза несвязанного либидо является центральным вопросом. Это ситуации, в которых особой важностью обладают объектные отношения, травматические переживания, конфликты и факторы развития; иногда проблемы работы психики, вызванные чрезмерной стимуляцией или депривацией. Есть несколько типичных констелляций, в которых избыток либидо ведет к угрозе для психоэкономии.

а) Отсутствие объекта (Фрейд описывает его в работе «О нарциссизме»). Если мы, сверх того, добавим, что, как утверждают исследователи недавнего времени, создание объектных отношений требует постепенно развивающихся схем взаимодействия с заботящимся окружением (Cohen, Kinston 1984), то у нас появляется возможность дополнить знаменитое фрейдовское описание амебы, которая оставалась в состоянии избыточного нарциссизма. Мы можем далее добавить, что способность такой амебы протягивать свои псевдоподии, вероятно, повреждена. Возможно, неблагоприятное окружение препятствовало ее оптимальному развитию. Мы могли бы назвать это парадигмой объектных отношений.

б) И объектное, и нарциссическое либидо могут утратить свои объекты (например, утрата конкретного и абстрактного объекта любви, утрата психической либо физической функции или помехи в использовании такой функции). Субъект тогда оказывается вынужден преодолевать проблемы, которые представляют собой определенное количество несвязанного либидо. Это парадигма травматической реакции.

в) Внешние и внутренние факторы могут стимулировать либидо до такой степени, что возникнут трудности, как заново связать и переработать его. Такими факторами могут быть мощная или длительная сексуальная стимуляция, психические или физические стадии роста, такие как пубертат, когда стимулируется нарциссическое либидо, или даже переживание социального успеха («успех ударил в голову»). Это парадигма актуального невроза.

г) Качественно новые стимулы, например идущие от новых стадий психосексуального развития, могут создавать ситуации смятения и хаоса. Амеба, пользуясь метафорой Фрейда, которую представляет собой либидо, имеющееся у Эго, не знает, куда девать свои новые псевдоподии («Что делать с фекалиями? Что делать с фаллосом?» и т. д.). Странные, новые переживания в ходе детского развития, такие как ощущение своей отдельности, могут вызывать беды в либидоэкономии. Даже и позднее в жизни новые события и обстоятельства, расширяющие жизненную сферу, могут иметь то же значение, хотя и в меньшей степени. Это можно назвать парадигмой травмы развития.

д) Парадигма конфликта с либидоэкономической точки зрения означает, что когда конфликт актуализуется, некоторые его участники оказываются под угрозой и та или другая сторона вынуждена отдать то, что ею инвестировано. Это затем приводит к либидоэкономическим проблемам: та часть либидо, которая уже отлита в какую-то форму или связана с психическим содержанием, функциями или структурами, теряет почву под

ногами и снова становится свободно движущейся и не связанной. Какая-то часть организованного Я и внешнего мира угрожает дезинтегрировать в хаос. Альтернативой будет овладение конфликтом при помощи защитных видов активности. Мы уверены, что здесь лежит метапсихологическое объяснение, почему конфликт обладает центральной важностью в психоанализе.

е) Способности к связыванию и способности к обработке могут быть нарушены в некоторых состояниях, таких как сенсорная депривация, социальная депривация, или во время сна. Травматические состояния в форме ночных страхов случаются в самых глубоких состояниях сна (Fisher et al., 1973), когда, как нам хотелось бы добавить, способность к работе со сновидением находится на минимуме. Многие стимулы, которыми в состоянии бодрствования легко овладеть и даже наслаждаться, могут во сне приходить как нарушающие покой и «плохие», из-за ограниченной способности к работе со сновидением. Здесь возникает парадигма депривации.

О проявлениях и производных влечения к смерти

Теперь, когда мы предположили, что влечение к смерти стремится поддерживать или восстанавливать состояние покоя, устраняя нарушения, мы можем спросить, как выглядят основные типы его психических проявлений, через которые можно отслеживать его разновидности, или каковы его разновидности, и упомянем только несколько наиболее важных.

Первичные системы самосохранения у живого организма включают ряд функций по уходу в себя и устранению внешнего. Это относится как к нарушающим покой, стимулирующим либидо факторам во внешнем мире, так и к источникам либидо внутри себя. Итак, первичная цель – успокоить и остановить хаотичный приток избыточного либидо, который ощущается как «ипохондрическая тревога» («Во мне есть что-то плохое»). Самые крайние средства – это инфантильная апатия, анаклитическая депрессия и примитивные модусы первичного мазохизма (в них происходит ранняя психическая смерть). Функции ухода в себя и устранения внешнего также способны формировать охраняющий щит против стимулов, представляющих собой некое раннее не деструктивное производное от влечения к смерти.

Необходимость быстрее помочь либидо получить удовлетворение от объекта вызвана угрозой мучительного состояния ипохондрической тревоги. С точки зрения влечения к смерти, объектные отношения не только предлагаются благожелательно заботящимся окружением. Усилия окружения сталкиваются с внутренней компульсивной потребностью младенца, которому суждено в любом случае формировать свои собственные психические структуры и схемы взаимодействия. Если окружение не помогает ему строить хорошо функционирующие структуры, он будет активно строить свои собственные патологические нарциссические структуры.

Великим открытием Фрейда в работе «За пределами принципа удовольствия» было обнаружение повторения как базовой формы психической работы, скрытые клинические возможности которой огромны и еще не полностью используются. Демоническая сила компульсивного повторения может быть разрушительной для других видов психической активности. С другой стороны, повторение – это одна из базовых структурирующих и не деструктивных разновидностей влечения к смерти.

Изначально деструктивность Супер-Эго стремится умиротворить либидные отношения ребенка с его родителями. Стремясь внести покой в эти ключевые отношения, подверженные либидоэкономическим нарушениям покоя, влечение к смерти не знает компромиссов: моральные запреты стремятся к покою через чистое разрушение; то, что морально, плохо, не имеет права существовать.

«Утверждение – как замена объединения – принадлежит Эросу; отрицание (negation) – наследник выталкивания – принадлежит инстинкту разрушения» (Freud, 1925). Отрицание, которое, согласно Фрейду, является проявлением влечения смерти, означает, что о чем-то думают и что-то признают не как нечто реальное, а как всего лишь образ. Самый отчетливый пример этого – когда формируется образ чего-то, что в данный момент отсутствует. Самое очевидное проявление отрицания на уровне поведения – это воздержание от действия, т. е. успокоение относительно действия, а самое высшее проявление этого – успокоение на уровне аффекта, связанного с образом, или полное прекращение манипулирования им. Отрицание делает возможным покой, чтобы думать и рефлексировать.

Процессы абстрагирования и обобщения предполагают существование отрицания. Через существование символической функции открывается безграничный простор для различных проявлений влечения к смерти, которые отнюдь не агрессивны и не деструктивны, например, для различных форм креативности. Она делает возможным овладение тем, что отсутствует вообще.

Парадоксальная двойная функция влечения к смерти

Наша интерпретация предполагает, что влечение к смерти работает как устраняющая и разграничивающая сила, приводящая к полной остановке, так сказать, к коагуляции. В то самое время, когда оно разрушает, оно также укрепляет психические структуры. Эта интерпретация отличается от традиционных мнений, которые подчеркивают только деструктивную функцию влечения к смерти. Самые элементарные психические разновидности влечения к смерти можно свести к диссоциации и доведению до полной остановки, к подавлению действия. Разрушение, повторение и связывание, например, можно рассматривать как их производные.

Таким образом рождаются, по видимости, противоположные, ведущие к дезинтеграции и связывающие производные влечения к смерти. В связи с этим мы можем упомянуть точку зрения Грюнбергера, согласно которой основа любого психического разрушения – это анальность: анальность означает выталкивание, уничтожение до бесформенного состояния, делание безжизненным (Grunberger, 1971). В нашей интерпретации, хотя она отчасти сходна по форме, признается, что эти процессы более раннего происхождения, чем анальность. Более или менее хорошо заботящаяся среда составляет, по нашей интерпретации, некую литейную форму, в которой отливается либидо. Процесс связывания – это одна из центральных разновидностей влечения к смерти, но без либидо нечего было бы связывать.

Влечение к смерти стремится устранить бесполезный психический акт, направить его на эффективный путь и таким способом достичь удовлетворения. Это происходит, однако, только в благоприятных случаях. Часто влечение к смерти просто приводит к блокированию.

Экономическая проблема в нарциссической психопатологии: последний шаг к теории влечения к смерти

Ранние статьи Фрейда содержали темы, прокладывающие путь к обширному обзору с той вершины, которой явилась работа «За пределами принципа удовольствия». Особенно интересна была тема, поднятая в его статье «О нарциссизме» (Freud, 1914). Самой важной ее частью теперь представляется презентация экономии нарциссизма. Его заботил вопрос, каким образом избыточное сексуальное либидо, не включенное во взаимодействие с объектом любви, производит тревогу и проблемы при попытках справиться с этим избытком. Усилия, которые делались, чтобы переработать это избыточное либидо в психические содержания и дать им психическую форму, затем проявляются как различные невротические симптомы. В статье «О нарциссизме» есть два основных открытия: во-первых, Эго также является местонахождением либидо, и вследствие этого экономические проблемы связывания либидо возникают также и в Эго. Второе открытие – проблемы связывания, возникая в Эго, способны производить психопатологию весьма тяжелой степени.

Проблема нарциссизма может быть сведена к вопросу: какова судьба нереализованных стремлений, ищущих взаимности другого? Мы уже обсуждали этот вопрос (Ikonen, Rechardt, 1993).

Значимость проблемы связывания либидо после этого колоссально расширилась. Это расширенное рассмотрение охватывает и наблюдения травматических неврозов, и переживание в психоаналитическом лечении таинственного компульсивного повторения, и их взаимосвязанность с различными попытками уничтожать и контролировать. Все эти наблюдения затем неизбежно привели к пересмотру проблемы несвязанного либидо в целом, что и было сделано в работе «За пределами принципа удовольствия».

Роль влечения к смерти в общей психической динамике

Для Лапланша несвязанное либидо сравнимо с неподдающейся контролю силой, которая сметает прочь существующие структуры (Laplanche, 1976, 1981). Интерпретация теории влечения к смерти, которую мы представляем, отличается от его интерперетации. Он понимает несвязанное либидо как само влечение к смерти, тогда как мы трактуем влечение к смерти как силу, противостоящую несвязанному либидо, одновременно и деструктивную, и связывающую.

Теорию Лапланша можно назвать «токсической», а нашу теорию «иммунологической». Вместо непосредственных «токсических» эффектов избыточного либидо мы акцентируем внимание на устраняющих, предотвращающих и останавливающих реакциях Танатоса, которые могут быть уместными или неуместными и непропорционально сильными, как какие-то «психические аллергии» и «психические аутоиммунные реакции».

Подобно тому как психическая сексуальность (в противовес биологической) «свободна» и не привязана к конкретным схемам высвобождения стимулов, так и психологическое влечение к смерти «свободно» и не привязано ни к каким конкретным схемам прекращения стимулов, ни внешних, ни внутренних. В своих элементарных формах это влечение проявляется как деструкция, первичный мазохизм, «черный нарциссизм», ищущий покоя в пустоте. Первичное усилие, однако, направлено на то, чтобы успокоить и заставить умолкнуть тем или иным способом. По мере того как растет набор средств, появляется возможность достигать результатов не только разрушением.

Антагонистическую констелляцию из несвязанного либидо и усилий успокоить его можно рассматривать как нарушение покоя, которое в той или иной форме присутствует почти постоянно как некое качество нашей повседневной жизни. Оно проявляется как чувство «я устал», «что толку?», «больше не могу», «не хочу», «хоть бы все это поскорее кончилось», «я слишком занят», «мне это не нравится», «этот беспорядок раздражает» и т. д. и т. п.

Аффекты можно классифицировать по тому, доминирует ли в них тенденция успокаивать или либидо. Те, в которых доминирует влечение к смерти, Танатос, как тенденция успокаивать – это, например, тревога, ярость, ненависть, отвращение, стыд, зависть, вина, апатия, пустота, скука. В нашей статье о психологии стыда (Ikonen, Rechardt, 1993) мы более пристально рассматриваем динамику аффекта стыда. В нашей модели диалектика между либидо и влечением к смерти обычно приводит к постепенной организации психики в процесс связывания. Такое встречается в психоаналитической работе в области нарциссизма и объектных отношений. Не только в ранних фазах развития, но и на протяжении всей жизни психические констелляции производят несвязанное либидо в различной степени. Психопатология, жизненные переживания, происходящие в нашем теле изменения обеспечивают нам то, что необходимость справляться с проблемами несвязанного либидо остается постоянной задачей нашей психики.

Процесс связывания

Понятие связывания в психоаналитической литературе обычно ограничено формированием одних только тонических связываний. Однако формы связывания образуют непрерывный континуум без отчетливых ступеней от абсолютно несвязанного состояния до полностью поддающихся маневрированию подвижных связываний. Последние психоаналитическая литература не включает в понятие связывания. Однако эта идея подразумевается в работах Фрейда (Gill, 1963). Она важным образом дополняет концепцию процесса связывания (Ikonen, Recharadt, 1980a).

Для целей описания мы можем изобразить типичные формы и констелляции связывания следующим образом.

- 1) Никакого связывания. За пределами первичного процесса. Травматические переживания, психопатологические состояния высокой степени тяжести, новые психосексуальные стадии и т. д. Воспринимается как «шум», замешательство, беспомощность, ужас, «немыслимая тревога».
- 2) Свободно движущееся связывание. Процессы Ид, первичные процессы, работа сновидений, процессы на низком уровне способности связывания и способности маневрирования либидо, однако на уровне, достаточном при слабых возбуждениях (как в сновидениях).
- 3) Тоническое связывание. Имеет высокую степень способности к связыванию. Большой диапазон психических функций, готовых к использованию фиксированным образом как в нормальных, так и в патологических решениях. Когда развивается слишком рано, то продуцирует конфликты и угрожает более поздним формациям.
- 4) Подвижное (мобильное, допускающее маневрирование) связывание. Нейтральные катексисы, катексисы внимания, воображение. Принятие в расчет целого, «реальности». Ощущается как автономия и свобода. Создает конфликты только в слабой до умеренной степени.

Не психическое содержание как таковое, а состояние связанности решает, патологично ли оно. Например, психотический бред, представляющий связывание по типу 1 и 2, и раскованное воображение художника, представляющее подвижные связывания, различны по своей сути. Цель процесса связывания – повысить маневренность несвязанного либидо. Это происходит, во-первых, за счет того, что ему дается некое предварительное психическое содержание в функциях, аффектах, мнемических следах, образах и т. д., затем его свободно движущийся характер делается менее свободным, сначала при помощи тонических катексисов, а затем при помощи подвижных, маневренных катексисов. Это, полагаем мы, близко к тому процессу, который Лапланш (Laplanche, 1976) называет «подпиранием (propping)». Вначале это «подпирание» является подготовительным и неуверенным, затем постепенно набирает стабильность, пока в конечном итоге либидо не окажется способным двигаться свободно от одной связи к другой, не теряя своего связанного, успокоенного состояния.

О различных значениях смерти. Почему «влечение к смерти»?

По нашему мнению, выражение «влечение к смерти» является метафорическим. Это название парадигмы, связанной с психическим функционированием, и его не следует принимать буквально или конкретно. В крайнем варианте, конечно, смерть также является частью этой темы: смерть психическая и физическая. В соответствии с представлениями, которые высказывает Эйслер (Eissler, 1972), мы можем говорить о «влечении связывания», но и это столь же односторонне, поскольку игнорируются деструктивные производные. Интерпретации понятия влечения к смерти придают слову «смерть» различные значения. Тексты Кляйн (Klein, 1948), похоже, показывают, что она имела в виду конкретно смерть и страх смерти. По Лапланшу (Laplanche, 1981), речь идет о внутренних атаках влечения на уровне первичного процесса, уничтожающих психические структуры, и о поддерживающей жизнь сексуальности.

В нашей интерпретации влечения к смерти речь идет о стремлении умиротворить несвязанное либидо. Обычно это происходит путем связывания либидо, в крайних случаях путем уничтожения объекта, который стимулирует либидо, или источника стимуляции внутри себя. Сюда входят тенденция умиротворять путем уничтожения нестабильных структур, тенденции роста, все, что не связано в достаточной мере. Влечение к смерти в этой интерпретации является и стабилизирующим, и деструктивным.

О различных интерпретациях теории Фрейда о влечении к смерти

Для того чтобы выстроить перспективу различных интерпретаций влечения к смерти, мы начнем с эго-психологической модели. Эта модель использует в качестве отправной точки концепцию недифференцированной энергии, которая описывается в квазифизиологических терминах. Эта исходно монистическая энергия дифференцируется в агрессивное влечение и сексуальное влечение (Hartmann et al., 1949). Следовательно, не остается места для модели влечения к смерти. Эго-психологическая модель предлагает объяснение прямой психосоматической коммуникации через трансформацию энергии в течение ранних фаз развития (Jacobson, 1954; Шур, 1955). Возможности, которые она предлагает для действия интерпретации в клинической психоаналитической работе, ограничены.

Лапланш предлагает монистическую концепцию влечения в плоскости психологии. Согласно его интерпретации, единственное влечение в психоаналитическом смысле – это сексуальность, которая дифференцируется в связанное сексуальное влечение жизни и несвязанное сексуальное влечение к смерти.

Мелани Кляйн не объясняет, является ли для нее влечение к смерти биологическим или психологическим. Ее последователи, такие как Сигал (Segal, 1993), похоже, склонны к психологической интерпретации. И влечение жизни, и влечение к смерти активны автономно. Решающим является то, которое доминирует.

В соответствии с нашей интерпретацией, в человеческой психике существует базовый антагонизм между несвязанным либидо и влечением к смерти. Влечение к смерти нельзя концептуализировать автономно, а только по отношению к несвязанному или недостаточно связанному либидо, которое ощущается как нарушение покоя. Любое избыточное либидо нарушает покой, и с ним справляются, связывая его или устраняя его.

Фридман (Friedman, 1992a, b) недавно дал очень тщательный и элегантный анализ работы Фрейда «За пределами принципа удовольствия». Мы согласны с его взглядами. В заключении к своей статье он пишет: «Эссе Фрейда 1920 г. на самом деле является медитацией на тему „связывания“, связанной энергии и компульсивного повторения. Как таковое оно продолжает его „психологию“ 1895 г. и тем самым как бы берет в поддерживающее кольцо всю его работу в целом. Психическая система затем рассматривается как система, которая связывает внешне и внутренне базирующиеся возбуждения путем повторения; сущность психики – это компульсивное желание связать. Что касается самого принципа удовольствия, то связывание возбуждений через компульсивное повторение служит буквально тем условием, которое делает его действие возможным, в то время как сексуальные цели направлены на конкретный объект. Эта функция связывания/повторения лежит за пределами (jenseits) принципа удовольствия» (Friedman, 1992 b, p. 321).

Интерпретация влечения к смерти по Аристотелю или по Галилею?

Линд (Lind, 1991) критикует вторую теорию влечений Фрейда. Фрейд пытается втиснуть в свою теорию влечения к смерти разнородные элементы, из-за этого она становится раздербанной и непригодной для клинического использования. Отправная точка нашей интерпретации – это то, что Фрейд пытается использовать так называемое мышление по Галилею, и мы намерены прояснить и углубить его попытки. Попытки рассуждать по Галилею были характерны для Фрейда, а его последователям оказалось трудно это продолжить.

Левин (Lewin, 1987) представил следующие идеи, которым было уделено слишком мало внимания в психоанализе. В то время как физика двигалась в направлении мышления Галилея, биология и психология все еще находились в исходной позиции, и в них доминировало аристотелевское мышление, характерное для ранней фазы любой дисциплины. К тому же необходимое собирание и классификация фактов влечет за собой склонность чрезмерно переоценивать материал, ограниченный по времени и месту.

Вот некоторые характеристики мышления по Аристотелю:

- 1) Понятия ограничены системой ценностей и нормативны. Силы, которые воздействуют на предмет и его перемещения, разделяются, с одной стороны, на оправданные и чистые, а с другой стороны, на нарушающие порядок и случайные.
- 2) Класс, к которому принадлежит предмет, указывает на его характер и поведение. Характеристики дихотомические, как в парах сухой/мокрый, горячий/холодный, тяжелый/легкий.
- 3) Соответствие некоему закону – это то, что происходит без исключения или часто, согласно сущности данного тела. Легкие предметы часто поднимаются вверх, и пламя поднимается вверх, потому что сущность его такова же.

Вот некоторые характеристики мышления по Галилею:

- 1) Значение классификаций и пар противоположных понятий становится меньше. Мышлением Бруно, Кеплера и Галилея правит идея всепроникающего единства физического мира. Движение небесных тел, полет птиц и падение камней подчинены одним и тем же законам.
- 2) Одно и то же регулярное соответствие («закон») может в различных контекстах проявлять себя как совершенно разные явления. Гравитация может надежно удерживать тело на месте или вызывать опасные падения.
- 3) Конкретность. Форму проявлений в каждом случае определяет конкретная ситуация в целом, а отнюдь не характеристики тел, такие как легкое/тяжелое, небесное/земное. Очень важно принимать это в расчет в психологии.
- 4) Эмпиризм Галилея противоположен эмпиризму Аристотеля. Бессмысленно рассматривать, уникально или широко распространено явление. На самом деле свободное падение в соответствии с формулой $s = \frac{1}{2}gt^2$ происходит достаточно редко. Закон может никогда не реализоваться как таковой или реализуется только как нечто приблизительное. Понятия Галилея в большей степени конструкты и менее основаны на опыте и статистике,

чем понятия Аристотеля. Эмпиризм направлен на объяснение конкретных явлений, и тут побеждают понятийные построения Галилея.

Понятийная система психологии, по крайней мере, в некоторых определяющих аспектах является полностью аристотелевской по своему содержанию, хотя до некоторой степени отшлифована. Отделение от утилитарных концепций педагогики, медицины и этики достигнуто лишь отчасти. Фрейд сделал нечто в особенности чрезвычайно ценное, когда разрушил демаркационную линию между нормальным и патологическим, обычным и необычным. Этим он сильно продвинул гомогенизацию различных полей в психологии. Это равнозначно тому шагу в физике, который свел воедино явления небесные и земные. Такое представление о психике не требует философски абстрактного базового единства, по существу, оно учитывает конкретные различия.

Аристотелевы элементы в сочетании с галилеевскими устремлениями были распространены в период развития физики до относительно поздней стадии. В то же самое время, хотя Фрейд боролся за переход к мышлению Галилея, помимо прочего, путем отказа строить выводы на основе фенотипа психических явлений, его мышление содержало также аристотелевские элементы. Важной отправной точкой его мышления было то, что влечение стремится восстановить исходное состояние; это похоже на склонность вещи реализовывать фундаментальный для нее характер в соответствии с мышлением Аристотеля. Однако он склоняется к другому, а именно к взглядам Галилея. Вопрос об исходном состоянии, которое пытается восстановить влечение, может также пониматься как вопрос о том, что такие стремления могут быть включены во влечение или были включены «изначально», т. е. с того момента, когда уже применимо понятие «влечения». Когда «влечение» в этом смысле означает идею общих регулярных соответствий в психической динамике, которые от индивидуума не зависят, то это в то же время открывает возможности понимания чего-то заранее, на самом обобщенном уровне. Тогда мы можем позволить себе думать, что понимаем, «по крайней мере, чего именно» любой данный индивидуум в любой данной ситуации стремится достичь. Отсюда мы можем перейти к изучению средств и оснований, которыми он пользуется, и психических обстоятельств. Будет ошибочным использовать понятие влечения, чтобы объяснять психическое явление во всей его полноте как некое «явление влечения». Понятие влечения обеспечивает нас только отправной точкой в наших попытках разобраться в этом вопросе. Дуалистическая теория влечений постулирует как из опыта, так и из материала, основанного на концептуализации опыта, что существуют два базовых влечения: Эрос и Танатос. Они открывают две перспективы понимания на самом общем уровне; они во многих отношениях переплетены и влияют одно на другое, но не могут быть сведены одно к другому. Фридман (Friedman, 1992b) показал, что в работе «За пределами принципа удовольствия» ни базовые влечения, ни Эрос и Танатос не имеют связанного с системой ценностей конкретного содержания. Это вопрос динамики жизни, где «Todestrieb (влечение к смерти) немо, а Эрос слеп» (Friedman, 1992b, p. 320).

Все до сих пор предложенные клинические и теоретические интерпретации как сторонников, так и противников влечения к смерти, помимо осуществленной Фридманом, были аристотелевскими. Согласно нашей интерпретации, Эрос и Танатос – это два функциональных принципа, которые не являются непременно противоположными, но являются различными и независимыми друг от друга. Они встречаются бок о бок и в зависимости от конкретной ситуации формируют различные события диссоциации и связывания. Наша интерпретация проясняет галилеевские устремления в мышлении Фрейда.

Заключение

Возможно, что в теории влечения к смерти Фрейд развил свою модель психических процессов до окончательных теоретических и клинических последствий, до ядерной метафизиологии, аналогичной ядерной физике или таблице элементов в химии. Будучи последним филогенетическим достижением человека, сфера психики является новообразованием, потенциал которого мы еще не до конца освоили. Созданную Фрейдом картину борьбы между хрупкими жизненными процессами и статической неорганической природой следует, собственно говоря, транспонировать, в первую очередь включив в нее упорную битву мира психики. Психическое расширяющее и развивающееся устремление, стремление к психическому освоению собственного тела, неустанно борется против сил, сдерживающих эти усилия, включая засасывание в психическую смерть. Каждое психическое содержание и функция, которые не выполняют каким-то образом своей функции связывать хаотическое, несвязанное либидо, отвергается и аннигилируется, уничтожается и декатектируется. Эти процессы декатектирования могут заходить очень далеко в психозах. Вместо того чтобы переживать психическое содержание пациент-психотик иногда живет в некоем диффузном состоянии возбуждения; он психически почти мертв. С другой стороны, однако, разновидности влечения к смерти способны придать форму энергетическому беспокойству Эроса. Они выстраивают структуры жизни и повышают маневренность либидо. Эрос и влечение к смерти образуют своеобразную бинарную систему, где одно никогда не существует и не может существовать без другого. Они вместе способны создать бесконечные формы как жизни, так и смерти.

Литература

- Cohen J. & Kinston W. (1984). Repression theory: a new look at the cornerstone. *Int. J. Psycho-Anal.*, 65: 411–422.
- Eissler K. (1972). Death drive, ambivalence and narcissism. *Psychoanal. Study Child*, 26: 25–78.
- Fisher C., Kahn E., Davis D. M. (1973). A psychophysiological study of nightmares and night terrors. *J. Nerv. and Mental Disease.*, 157: 75–98.
- Freud S. (1914). On narcissism: an introduction. *S. E.* 14.
- Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. *S. E.* 18.
- Freud S. (1923). The Ego and the Id. *S. E.* 19.
- Freud S. (1925). Negation. *S. E.* 19.
- Friedman J. A. (1992a). Freud's Todestrieb: an introduction. Part 1. *Int. Rev. Psycho-Anal.*, 19: 189–196.
- Friedman J. A. (1992b). Freud's Todestrieb. Part II. *Int. Rev. Psycho-Anal.*, 19: 309–322.
- Gill M. (1963). Topography and systems in psychoanalytical theory. *Psychological Issues*, vol. III, no. 2, New York: Int. Univ. Press.
- Grunberger B. (1971). *Narcissism*. New York: Int. Univ. Press, 1971.
- Hartmann H., Kris E. & Loewenstein R. M. (1949). Notes on the theory of aggression. *Psychoanal. Study Child.*, 3–4: 9–36.
- Ikonen P. & Rechart E. (1978). The vicissitudes of Thanatos. On the place of aggression and destructiveness in the psychoanalytic interpretation. *Scand. Psychoanal. Rev.*, 1: 94–114.
- Ikonen P. & Rechart E. (1980a). Binding, narcissistic psychopathology and the psychoanalytic process. *Scand. Psychoanal. Rev.*, 3: 4–28.
- Ikonen P. & Rechart E. (1980b). Aggression, destruction et pulsion de mort dans les écrits Freud. *Les pulsions*, ed.: J. Chassegue-Smirgel, pp. 157–166. Paris: Tchou.
- Ikonen P. & Rechart E. (1980c). Les vicissitudes de Thanatos. *Les pulsions*, ed.: J. Chassegue-Smirgel, pp. 167–186. Paris: Tchou.
- Ikonen P. & Rechart E. (1993). The origin of shame and its vicissitudes. *Scand. Psychoanal. Rev.*, 16: 100–124.
- Jacobson E. (1954). The self and the object world. Vicissitudes of their infantile cathexes and their influence on ideational and affective development. *Psychoanal. Study Child.*, 9: 75–127.
- Klein M. (1948). A contribution to the theory of anxiety and guilt. *Int. J. Psycho-Anal.*, 29: 114–123.
- Laplanche J. (1976). *Life and Death in Psychoanalysis*. Baltimore: John Hopkins Univ. Press.
- Laplanche J. (1981). A metapsychology put to the test of anxiety. *Int. J. Psycho-Anal.*, 62: 81–89.
- Lewin K. (1987). Aristotelisesta Galilealaiseen ajattelutapaan biologiassa ja psykologiassa. *Psykologia, liite*. 3: 2–14 (From Aristotelian to Galilean thinking in biology and psychology. Published in *J. Gener. Psychol.*, 5: 141–177, 1931).
- Lind L. (1991). Thanatos: the drive without a name. The development of the concept of the death drive in Freud's writings. *Scand. Psychoanal. Rev.*, 14: 60–80.
- Rechart E. & Ikonen P. (1986a). *Apropos de l'interprétation de la pulsion de mort. La pulsion de mort*. pp. 61–74, Paris: Presses Universitaires de France.
- Rechart E. & Ikonen P. (1986b). *Die Interpretation des Todestriebs. Psychoanalyse Heute*, pp. 45–61. Wien: Orac.
- Rechart E. (1986). *Les destins de la pulsion de mort. La pulsion de mort*. pp. 39–48. Paris: Presses Universitaires de France.

Schur M. (1955). Comments on the metapsychology of somatization. *Psychoanal. Study Child.*, 10: 119–164.

Segal H. (1993). On the usefulness of the concept of death instinct. *Int. J. Psycho-Anal.*, 74: 55–61.

О психологии деструктивности

Пентти Иконен и Эро Рехардт

О различиях между агрессивностью человека и агрессивностью животных

Проблемы, с которыми сталкиваешься при изучении человеческой агрессии, начинаются с трудностей дефиниции. Как определять агрессивность? Что следует включать в это понятие? Агрессию животных мы обычно способны определить на основе их поведения. Когда животное стремится напасть на объект и либо прогнать, либо уничтожить его, мы называем это агрессивным поведением. Когда лиса приближается к медведю, который ловит рыбу, с намерением получить долю добычи, медведь ведет себя агрессивно: он яростно прогоняет лису прочь за пределы своего поля зрения. Но что если медведь блуждает по лесам, окружающим место, где он обычно ловит рыбу, пытаясь разыскать хитрую лису, которая жаждет его доли пойманной рыбы? Медведь тогда имеет дурные намерения относительно лисы. У него есть агрессивные чувства, направленные на лису, но теперь нам труднее сделать вывод об этом из прямого наблюдения за блуждающим медведем. Только вот медведь себя таким образом не ведет. Когда лисы не видно, она медведя не интересует. Картина мира медведя не содержит никаких невосприимчивых, отсутствующих лис, а фиксирует только воспринимаемых, присутствующих лис. В этом отношении человек отличается и от медведя, и от всех прочих животных.

Но представим себе, что у нас в нашем примере вместо медведя человек. Какой вывод мы могли бы теперь сделать о поведении этого человека? Пока он сидит дома и планирует, как победить лису, он занят реализацией своих агрессивных и деструктивных намерений относительно лисы, которая не присутствует ни во времени, ни в пространстве? Простой бихевиоральный подход здесь оказывается недостаточным, и мы вынуждены попытаться ознакомиться с целями и намерениями, которые держит в уме интересующее нас лицо и которые можно провести в жизнь при помощи весьма разнообразных вариантов форм поведения. Дефиниция агрессивного поведения человека затрудняется также широким разнообразием иных обстоятельств. Как можем мы знать, например, что активность, которая не дала никаких результатов, тем не менее, по намерению была деструктивной и агрессивной? По незнанию и по неведению человек может вызвать значительные разрушения совершенно ненамеренно. Завод может взорваться или два поезда могут столкнуться просто в результате невежества. Мы можем ошибочно рассматривать как деструктивную такую активность, за которой стояло совершенно иное намерение. Целью агрессии может быть поиск любви, как часто бывает у детей или у регрессивных взрослых. Таким образом, мы не можем исследовать агрессивность и деструктивность человека, не исследуя его намерений и наличия намеренности в его поведении.

Символическая функция неизбежно придает свою окраску человеческой психологии. То, принимается она в расчет или не принимается, проводит разделительную черту между психологией животного и психологией человека и вообще между естественными и гуманитарными науками. Присутствие в сознании человека символической функции означает, что он способен при помощи знаков, которые он выбрал произвольно, создавать репрезентации и для себя, и для других таких явлений и ситуаций, которые необязательно ощутимы и присутствуют в данный конкретный момент. Эта способность делает возможным для человека вызывать перед мысленным взором явления, которые отдалены в пространстве и неосязаемы на данный момент, которые, как ожидается, произойдут в будущем или которые связаны с про-

шлым. В отличие от животных, чье поведение почти исключительно связано с тем, что ощущимо и присутствует, человеческое поведение связано также с будущим, прошлым и с тем, что отдалено в пространстве. В терминах Лоренца проблема человеческой деструктивности сводится к неспособности выработать в человеке такие биологические защитные механизмы против внутривидовой агрессии, которые препятствовали бы уничтожению индивидуумов одного с ними вида, находящихся на расстоянии. Однако нам кажется более существенным фактором то, что мышление человека не знает ни пространственных, ни временных пределов. Способность человека представлять то, что отсутствует, в то же самое время придает его агрессивности и деструктивности характеристики длительности, беспощадности и фанатизма, никогда не встречающиеся в царстве зверей.

Другое важное следствие символической функции – это креативность человеческой культуры. Использование описательных символов и языковых способностей, основанных на них, позволяют человеку сообщать о своих переживаниях и изобретениях другим человеческим существам. Тем самым он создает новые средства и методы, включая такие новые методы, которые служат его агрессивности и деструктивности, как это показывает ход развития, приведший от каменного топора к атомной бомбе. Благодаря этому может вырабатываться широкое разнообразие культур агрессии и деструкции, которые, похоже, нередко затмевают биологические механизмы агрессии по своей значимости. Стоит только подумать о чудовищных видах оружия, созданных современной западной технологией, которые ушли далеко за пределы естественного агрессивного склада человека. Поэтому в случае человека мощными факторами, наряду с биологическими формами деструктивности, являются ее различные культуральные формы, причем эти формы могут быть изменены и могут способствовать изменению.

Ввиду наличия символической функции центральное место в психологии человека занимают его намерения. Средств реализации того или иного намерения может быть множество, и это множество практически бесконечно. Биологически данное оснащение и механизмы могут, следовательно, быть поставлены на службу самых разнообразных целей. Человек может использовать агрессивность в стремлении добиться любви, а может, напротив, быть дружелюбен и угодлив, когда цели его являются обманными и враждебными. На протяжении веков, когда люди разрушали надежды своих собратьев и препятствовали их устремлениям, это нередко сопровождалось добротой и сочувствием. Поскольку деструктивность может появляться в таком большом количестве различных форм, мы вполне можем задаться вопросом, является ли деструктивность сама по себе базовым стремлением, которое требует реализации в той или иной форме, или же она является всего лишь одной из альтернативных форм еще более первичной тенденции. Или, говоря короче, является ли деструктивность базовым инстинктивным влечением?

Агрессивность – базовое инстинктивное влечение?

Предположение, что существует первичный деструктивный инстинкт, тесно связано с теорией Фрейда и с психоанализом. Считается, что Зигмунд Фрейд первым высказал эту точку зрения, и она обычно рассматривается как психоаналитическое понятие агрессии. Фрейд и в самом деле писал в нескольких контекстах о роковых деструктивных наклонностях человека, это верно, но в определенном, чрезвычайно важном отношении его текст, относящийся к инстинкту смерти, интерпретируется односторонне. Надо сказать, однако, что такую одностороннюю интерпретацию отчасти подкрепляют поздние работы Фрейда. Наше намерение – показать здесь, что, если исходить из идей, выдвинутых Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия», это приведет нас к выводу, что деструктивность не является базовым, не имеющим альтернативы инстинктуальным влечением, что это только одна из форм более общей тенденции, а именно тенденции избавляться от стимулов, как внутренних, так и внешних, которые воспринимаются в качестве нарушающих покой. Эта точка зрения лучше и более естественно стыкуется с психической реальностью и клинической работой, чем теория первичного деструктивного влечения (Ikonen, Rechardt, 1975).

В качестве введения в теорию Фрейда об инстинктивных влечениях полезно проследить его размышления о натурфилософии. Вначале они выглядят очень далекими от психических событий, поскольку посвящены происхождению жизни и отношениям между жизнью и смертью. Самые ранние формы органической жизни появились в результате того, полагает Фрейд, что в равновесии неорганической природы возник физико-химический процесс, который вместо того, чтобы повести, как обычно, к энтропии, униформальному распределению энергии и статическому состоянию, повел к повышению энергетического напряжения и состоянию все более сложному. Срок жизни этих процессов, нарушающих покой неорганической природы, поначалу был краток. Тенденция к энтропии вскоре возвращала их обратно в их начальное статическое состояние. Когда эти нарушающие равновесие процессы стали повторяться, они начали заходить все дальше. Требовалось все более долгое время, чтобы восстановить исходное состояние, и необходимо было производить все более сложные обходные маневры, чтобы восстановить равновесие. Таким образом, первые формы жизни развивались в направлении все большей сложности и полиморфизма. Однако каждая форма жизни представляла собой некую предрешенную дорогу обратно к равновесию, т. е. к смерти. Это восстановление исходного состояния осложняется противоположной тенденцией процесса жизни. Таким образом, в органической жизни с самого начала действуют две базовые тенденции, отличные одна от другой и противоположные друг другу. Одна – это тенденция нарушать состояние равновесия, повышать напряжение, создавать более крупные целые и повышенную сложность, находящую выражение в тенденции к воспроизводству через объединение. Эта тенденция органической жизни встречает противодействие со стороны тенденции к энтропии, потребности снизить напряжение, разобрать целое на части и вернуться в конечном итоге к статическому неодоушевленному состоянию. Фрейд называл первые тенденции инстинктами жизни, или Эросом, а последние тенденции инстинктами смерти, или Танатосом.

Эти рассуждения, однако, принадлежащие к сфере, скорее, натурфилософии, нежели биологии, были всего лишь вводными. Это были биологические метафоры и сравнения, которые Фрейд использовал в попытке найти модель, применимую к психической сфере. Его теория Эроса и Танатоса, или инстинктов жизни и инстинктов смерти, считал Фрейд, были именно такой моделью. Они являются двумя базовыми тенденциями в человеческой психике, действующими одновременно и сотрудничающими друг с другом многими разнообразными способами. Временами они могут работать в одном направлении, а временами в направлениях, противоположных одна другой, но они никогда не утрачивают своего независимого существо-

вания, как бы тесно ни переплетались их судьбы. Эрос означает любовь в наиболее общем из возможных смыслов этого слова: это любовь к жизни; он склонен к сращению, продолжению рода и созданию все более крупного целого, несмотря на те нарушения, которые он создает. А Танатос – это безжалостное и упорное стремление в человеке, склоняющее к переживанию покоя и облегчения тем или иным способом и в той или иной форме. И деструктивность есть только одна из форм этой тенденции. Разрушение другого индивидуума или собственная смерть могут быть одним из многих способов достижения состояния покоя. Поэтому название Танатос, или инстинкт смерти, следует понимать в фигуральном, а не в буквальном смысле. Очевидно, что то, что Фрейд писал о Танатосе, прочитывалось в основном таким образом, что учитывали только его биологический смысл, тогда как его психологический смысл, как правило, оставался непонятым. Наша психологическая интерпретация Танатоса будет следующей.

Танатос стремится снизить напряжение до как можно более низкого уровня. Его переживаемое в опыте проявление в чистом виде – это уход прочь от всего, что нарушает покой, в направлении к покою и облегчению, без учета удовольствия и даже если удовольствие утрачивается. Переживаемое в опыте проявление Эроса, в свою очередь, в его чистой форме есть тенденция к удовольствию, невзирая на нарушение покоя, сложность и неудовольствие, которые могут из этого следовать – тенденция, можно сказать, получать удовольствие любой ценой. Хотя тенденция к покою и тенденция к удовлетворению – это две отчетливо различные психические тенденции, они не обязательно должны – несмотря на то, что было только что сказано выше – противоречить одна другой. Иногда они работают в одном и том же направлении и сотрудничают друг с другом. В такие счастливые моменты, пусть кратковременно, одновременно царят и покой, и удовлетворение. Однако часто нам приходится довольствоваться либо удовлетворением ценой утраты покоя, либо покоем ценой утраты удовлетворения.

Агрессивное поведение – неизбежное зло?

В том представлении о человеке, которое преобладает у нас в настоящее время, деструктивность часто, похоже, занимает центральное положение. Она рассматривается как базовое устремление человеческой природы, не знающее никаких альтернатив, с которым мы вынуждены жить и которым мы вынуждены пытаться так или иначе управлять, чтобы оно причиняло как можно меньше вреда.

Теперь наше понятие деструктивности можно рассматривать в новом свете. Деструктивность является, собственно говоря, только одной из форм, принимаемых тенденцией избавляться от нарушения покоя или достигать умиротворения. Когда некоторые известные теоретики психоанализа после Фрейда стали говорить просто о первичном деструктивном инстинкте (Hartmann, Kris, Lцwenstein, 1949), это явилось – сказали бы мы – роковым шагом назад. Таким образом легко не заметить другие формы стремления избавиться от нарушения покоя и достичь умиротворения. Если учитывать и рассматривать одну только деструктивность, картина окажется искаженной. Самые важные вопросы: «Что в объекте деструктивности вызывает нарушение покоя, какие могли бы быть другие возможные способы ликвидировать это нарушение покоя?» – в этом случае выпадают из сферы внимания. В работе в области психического здоровья это часто может отражаться в том, что возможность «спустить пары» при помощи деструктивности и агрессии рекомендуется как единственная форма Танатоса в ущерб другим моделям. Это фактически пропаганда некой идеологии агрессии и извращения Танатоса. Так что же мы можем сказать о различных формах Танатоса? Здесь мы вынуждены ограничиться лишь несколькими примерами.

Если принять точку зрения, что деструктивность есть одна из неизбежных базовых потребностей человека, было бы необходимо удовлетворять потребность в деструкции и агрессии, находя им выход тем или иным способом. Вопрос предстает, однако, совершенно в ином свете, когда мы осознаем, что то, о чем идет речь, есть стремление освободиться от нарушения покоя. Если на то пошло, простое нападение и уничтожение наугад не принесет облегчения никому и не восстановит ничего душевного покоя. Напротив, за этим нередко последуют лишь новые нарушения покоя и возникнет еще более трудная ситуация. Ведь важен именно результат, а не количество проявленной агрессивности или деструктивности. Танатос, или желание освободиться от нарушения покоя, будет удовлетворен, и потребность в деструктивности исчезнет в результате либо чисто психического действия (например, думания), либо иного действия, сопутствующего ему, которое уберет то, что нарушало покой, и восстановит мирное состояние. Более того, активность переживается как нечто тем более эффективное и более удовлетворительное, чем меньшее количество энергии требуется, чтобы устранить нарушение покоя и восстановить мирное состояние.

Однако положение дел часто таково, что мы даже и сами не знаем источника нарушения покоя. Вопрос «Что со мной?» может привести к нападениям и исследующим действиям, направленным на различные предметы, обстоятельства и людей, но в результате никаких приносящих облегчение средств найдено не будет. Нетрудно найти тому примеры, имеющие отношение либо к нам самим, либо к нашему окружению. Вот и здесь тоже мы ясно видим, что простое нападение не удовлетворяет нас, нас удовлетворит только, если нарушение покоя будет успешно устранено. С другой стороны, когда источник нарушения покоя определен наилучшими средствами, например, достаточным продумыванием, и когда найдены подходящие способы его устранить, мы достигнем своего душевного покоя и нападение станет ненужным. Сходная ситуация возникнет, когда душевный покой был нарушен столь интенсивно, что психика не выдерживает больше нисколько. Тогда индивидуум будет остро реагировать даже на небольшие нарушения покоя. Он может производить ложное впечатление, будто особенно

сильно нуждается в «выражении своей агрессивности» – как, мы часто слышим, люди это называют. Речь идет, однако, о человеке, который хочет конкретного облегчения от своего мучительного душевного состояния. А в каких-то случаях мы увидим отчаянные попытки устранить нарушение покоя, «все или ничего» или «любой ценой». Кажется, будто человеком овладело слепое деструктивное влечение. На самом деле, однако, речь идет об отчаянных усилиях, производимых без каких-либо средств, позволяющих рассчитывать на успех, устранить переживаемые нарушения и достичь состояния покоя.

Часто говорят о хобби и увлечениях, смысл которых для психического здоровья предположительно основан на предоставляемой ими людям возможности выразить свою агрессивность. Здесь также выражение является неточным. Тот аспект этих хобби и увлечений – скажем, различных видов физкультуры и спорта, – который приносит наибольшее удовлетворение, – это чувство умения, мастерства и легкости, которых можно добиться тренировкой. Человек, увлекающийся ими, как бы играет трудностями и нарушающими покой факторами, которые он таким способом успешно преодолевает. Эта способность преодоления дает большее удовлетворение, чем возможность разрядки и ярости. Если нам удастся, например, вбить гвоздь несколькими точными ударами молотка, это приносит нам больше удовлетворения, чем то, которое мы получим, колотя по гвоздю длительное время, хотя можно думать, что в последнем случае будет больше возможности «выразить агрессию», чем в первом.

Об альтернативах агрессивному поведению

Из многих неагрессивных и мирных способов устранить нарушение покоя, в первую очередь, следует упомянуть те различные формы порядка, которые дают покой упорядочивающему. Таким образом, порядок в принципе не является «завуалированной формой насилия», как часто утверждают. Однако насилие может быть средством, используемым, когда делаются усилия достичь покоя через порядок.

Особой разновидностью порядка является эстетическая форма, или произведение искусства, удовлетворяющее наше чувство прекрасного. Прекрасное обычно переживается нами как нечто правильное, нерушимое и хорошо уравновешенное, что-то, что мы не хотели бы изменить никаким образом. Прекращение потребности и желания что-то менять, связанное с этим переживанием, ощущается многими людьми как состояние свободы от нарушения покоя такого рода, которого трудно достичь любыми другими средствами.

Мы уже говорили выше о значении мышления как способа устранять нарушения покоя и достигать состояния покоя. Человеческое мышление невозможно, однако, если конкретный метод умиротворения, в свою очередь, не создает необходимые для него предварительные условия, поскольку мышление необходимо защищать от чрезмерно интенсивного волевого усилия, от эмоций и от потребности действовать. Мы можем распознать в самих себе трудности, сопряженные с тем, чтобы обдумывать и держать в уме что-то, что идет в разрез с нашими желаниями и не обещает нам удовлетворения. Однако мышление предполагает способность представлять себе также то, что не соответствует нашим ожиданиям, вещи, недостижимые для нас, или состояния дел, которые не таковы, как нам хотелось бы. Когда мы способны таким образом защищать свое мышление от своих чрезмерно прямолинейных желаний, говорить нашим желаниям «нет» и обеспечивать, чтобы на наше мышление не влияли ни наши желания, ни наша потребность действовать, в уме у нас будет создано пространство для мысли и размышления. Способность представлять себе какой-то вопрос и в то же самое время успокаивать желание, связанное с ним, скорее всего, характерно только для человека, и в человеке также эта способность часто является неполной.

Эта способность делает возможной ту обширную мыслительную активность, которой требует от нас сложность человеческой жизни и возможность нарушений покоя, связанных с ней. Человек, в отличие от других животных, способен думать о чем-то, что отсутствует. Если нам не удастся успокоить в себе желания, направленные на те явления, которые отсутствуют, а часто и недостижимы, мы можем придти к самым опасным формам деструктивности, к формам, которые можно найти исключительно в человеке; например, зависть, желание уничтожить или лишить других людей чего-то, что недостижимо для нас самих, или желание уничтожить других людей, находящихся далеко от нас, которые на самом деле никоим образом не нарушают нашей повседневной жизни своим существованием. Враждебность к другим группам, племенам и народам возникает именно таким образом. Итак, успокоить себя для того, чтобы сделать возможным рефлексивное мышление, вероятно, является одним из способов, чтобы устранить нарушающие факторы, и к покою можно стремиться без деструктивности.

Многие читатели, конечно же, мысленно спрашивают, не слишком ли общим и неопределенным является то, что сказано здесь о нарушении покоя. Мы использовали выражение «нарушения покоя» в очень общем, но в то же самое время в четко определенном смысле. Нарушение покоя есть все, что лишает или угрожает лишить нас возможности переживать удовлетворение от любви к себе или к другим людям. Объект любви, который вызвал разочарование или является отсутствующим или недостижимым, т. е. такой, который не удовлетворяет Эрос, будет нарушать наш покой. Он вызовет у нас потребность успокоить себя, либо подавив и уничтожив наше собственное желание, либо сделав желанный объект не имеющим

ценности для нас. В крайнем случае мы стремимся уничтожить этот объект, для того чтобы не дать ему нарушить наш душевный покой. Но он может также вызывать у нас желание действовать таким образом, чтобы мы добились этого любовного объекта и были способны пережить удовлетворение и успокоение, связанное с обладанием им. Покой и любовь могут, таким образом, фактически совпадать. Столь же нарушающим покой будет, если мы теряем возможность любить себя, получать подлинное удовлетворение от собственного существования. Унижение, насилие над нашей самооценкой и все, что оскорбляет наше человеческое достоинство, как правило, нарушает наш покой и вызывает желание избавиться либо от обстоятельств, либо от тех наших собственных усилий, которые мы переживаем или ожидаем пережить как наносящие вред нашей самооценке. Часто мы предпочитаем ограничить себя и обеднить, вместо того чтобы подставлять себя боли.

То, что было сказано здесь, не следует ошибочно воспринимать так, будто мы пытаемся объяснить все психические процессы упрощенно. Суть в том, что вышеупомянутый способ понимания деструктивности как только одной конкретной формы Танатоса или одной конкретной формы попыток устранить нарушение покоя, содержит в себе большее количество возможностей, чем существующее весьма широко распространенное представление о человеке, и избегает искаженного взгляда на место и природу присутствующей у него деструктивности. Мы можем говорить о древе Танатоса, корни которого – это индивидуальное стремление к покою и свободе от нарушений покоя, одна ветвь которого есть деструктивность. Каждый из нас потенциально способен на разрушительную ненависть. Но насколько сильна вероятность в каждом отдельном случае? Мы знаем, что деревья растут по-разному. Их разные ветви вырастают более или менее толстыми и крепкими в зависимости от света, пространства, ветров и почвы. Древо Танатоса будет также расти очень по-разному у различных индивидуумов и культур. Оно отчасти продукт нашего биологического склада, отчасти продукт нашей культуры. Возможно, в Западном Танатосе способы изменения действия и агрессии особенно развиты. Восточный Танатос, в свою очередь, является рефлексивным и исследующим, и рассматривает методы прямого воздействия как грубые, неутонченные. Исследование африканских сообществ наводит на мысль, что в этих сообществах люди стремятся достичь покоя, прежде всего, через интенсивную ориентацию на сообщество, связанную с традицией не ценить ни деятельность индивидуума, ни усилия, направленные на то, чтобы индивидуума изменить.

Деструктивность существует потенциально в каждом из нас. С другой стороны, ту роль, которую она играет, выбираем мы сами в пределах, установленных нашей индивидуальной, семейной, групповой и общей культурой. Было бы удачно, если бы усилия избавиться от нарушения покоя принимали формы, оставляющие пространство устремлениям Эроса, способствующим объединению и сращению, защищающим рост и целостность и тем самым существование человечества. Деструктивные формы Танатоса не отвечают этим требованиям.

Литература

Freud S. (1920). Beyond the pleasure principle. In: The Standard Edition. Vol. XVIII. The Hogarth Press Ltd. London, 1964.

Hartmann H., Kris E. and Loewenstein R. M. (1949). Notes on the theory of aggression. Psychoanal. St. Child. III–IV. Int. Universities Press, Inc. New York.

Ikonen P. and Recharadt E. (1975). On the interpretation of Thanatos. Manuscript (to be published).

Связывание, нарциссическая патология и психоаналитический процесс

Пентти Иконен и Эро Рехардт

Процесс связывания

Мы уже говорили ранее (Ikonen, Recharadt, 1978), что проблема деструктивности является частью более общей проблемы, а именно, как устранить и/или свести к минимуму что-то, что переживается как нарушающее покой. Разрушение – первичный метод устранения явления, нарушающего покой, но это не означает, будто существует безальтернативный деструктивный инстинкт или инстинкт агрессии.

Таким образом, в фокусе рассмотрения оказывается процесс, нарушающий покой, и то, как с ним справляется психика. В данном рассмотрении агентом нарушения покоя является либидо; на ранних фазах психоаналитической теории оно рассматривалось как сексуальное либидо, стремящееся к чувственному удовольствию, а позднее как нарциссическое либидо. Либидо во всей его полноте Фрейд назвал Эросом и включал в него также нарциссизм. Следует сказать, что нарциссизм и нарциссические нарушения психики – это два различных понятия, хотя их очень часто смешивают.

Предварительный взгляд на метапсихологию переживания «нарушения покоя» был описан в нашей вышеупомянутой работе. Согласно изложенной в ней точке зрения, проблема лежит в отношениях между менее развитым (меньше учитывающим ситуацию в целом) и более развитым, связанным либидо. По нашему мнению, связывание есть более всеобъемлющий процесс, чем, как обычно принято думать, простое образование жестких тонических катексисов, чтобы сделать возможными вторичные процессы. Связывание повышает маневренность либидо при попытках устранить нарушения покоя. Оно является основной разновидностью Танатоса. Там, где присутствует нечто психическое, присутствует связывание. Термин влечения к смерти был драматизирован до такой степени, что начал вызывать односторонние и ложные представления, но его использование имело свои исторические предпосылки. На его месте могло бы быть столь же уместным выражение «влечение к связыванию» (см.: Eissler, 1972), но оно также обманчиво, поскольку никак не затрагивает разрушение¹⁵. Связывание придает форму и содержание энергетической беспокойности Эроса. Стремление связывать придает либидо форму. Оно выстраивает структуры для жизни. То, чему нельзя придать форму и чем нельзя маневрировать, переживается как вызывающее смятение, как интенсивно нарушающее покой, как угроза или даже как природная стихия, способная все похоронить под собой или снести все на своем пути. Потому приходится прилагать усилия, чтобы устранить эту часть либидо, уничтожить ее. Примерами различных форм деструкции могут быть собственная смерть, уничтожение части своего Я или смерть нарушающего покой объекта.

Одним из центральных положений Фрейда уже начиная с первых его работ было следующее: основная цель психических процессов – это трансформировать свободно движущуюся психическую энергию в связанное состояние. Мы можем рассматривать это как одно из

¹⁵ Нашу теорию, согласно которой агрессивность и деструктивность являются частичными влечениями или производными от другого, более всеобъемлющего влечения, которое стремится устранить нарушения покоя, уже критиковали (психологически) как попытку приукрасить человеческую натуру или избежать признания агрессии и деструкции. Логично было бы в таком случае критиковать подобным же образом и теорию о различных сексуальных перверсиях, являющихся частичными влечениями, или производными Эроса.

базовых положений психоанализа. Самая точная формулировка связывания такова: цель связывания – повышение маневренности энергии либидо. Это достигается, во-первых, путем придания ей некоторого предварительного психического содержания в функциях, аффектах, мнемических следах, образах и т. д., затем через уменьшение ее свободно движущейся природы при помощи тонических катексисов, а позднее при помощи подвижных маневренных катексисов. В английских переводах движущиеся («*freibeweglich*», лишь предварительно связанные) и мобильные (подвижные, маневренные) катексисы обозначаются как «*mobile*», что часто приводит к путанице, как указывает М. Джилл (Gill, 1963).

Отправная точка и центральная тема в статье Фрейда «За пределами принципа удовольствия» (Freud, 1920) – это проблема «никоим образом не связанного» либидо. Идея связывания значительно более последовательно присутствует подспудно в мышлении Фрейда и в базовой психоаналитической теории, чем это понимали до сих пор.

Формы связывания являются непрерывным континуумом без четко очерченных ступеней. Однако для целей описания мы можем представить себе следующие типичные формы связывания:

1) Отсутствующее или почти отсутствующее связывание: травматические переживания, некоторые психопатологические состояния со слабостью Эго, новые стадии либидного психосексуального развития («что делать с фекалиями, с фаллосом и т. д.»). Переживается оно как качество «шума» или «хаотичных картинок». В зависимости от количественных факторов оно может быть безымянным беспокойством, замешательством или беспомощностью вплоть до неназываемого ужаса.

2) Свободно движущееся (*frei beweglich*) связывание типично для процессов Ид, первичных процессов, в работе сновидений и т. д. Оно обладает низким уровнем способности связывать и низкой маневренностью либидо, которая, однако, является достаточной при слабых возбуждениях, как в нормальном сновидении.

3) Тоническое связывание содержит высокую степень способности к связыванию и маневренности и, таким образом, возможность устранять нарушения покоя. Оно включает также большой диапазон психических функций, аффективных структур, психических содержаний, готовых к использованию в довольно-таки фиксированной манере. Невротические симптомы также являются разновидностями тонических связываний, готовых успокоить взволнованное либидо. Еще один пример: сексуальное удовлетворение возможно только тогда, когда в нашем распоряжении есть достаточный диапазон чувственных и нежных аффектов. Слишком ранние, досрочные тонические связывания, например, в результате раннего травматического опыта в случае активации представляют угрозу для более поздних психических формаций. Они способны пересиливать более развитые формы связываний и могут поэтому обладать способностью вторичной травматизации (путем уничтожения более поздних связываний и таким образом высвобождения некоторого количества объектного и/или нарциссического либидо).

4) Подвижные связывания (мобильные, с которыми можно совершать произвольные маневры) известны как мобильные катексисы, нейтральные катексисы, как катексисы внимания, как гиперкатексисы. Они обычно используются в мыслительных процессах, активном воображении и т. д. С их помощью возможно найти потенциальные, сегодняшние или новые

удовлетворения, отказаться от старых, рассеять тонические связывания и защиты¹⁶, принимать в расчет целое, «реальность».

Важной опорой почти неограниченной мобильности подвижных связываний является катексис символической функции, возникающий в переходные фазы, когда ребенок может придать любому объекту или переживанию значение присутствия удовлетворяющей его нужды матери (Winnicott, 1951). Однако символической функции как таковой еще недостаточно, чтобы возникла подвижность катексисов, хотя она предоставляет для этого почти неограниченные возможности¹⁷.

Рост числа подвижных связываний переживается как свобода, автономия или эмансипация. Эту форму катексиса обычно не рассматривают как отдельную форму связывания, хотя это было бы вполне логично. Эта форма связывания лучше всего способна принимать в расчет интегрированное целое. Она является важным, необходимым условием для психического здоровья.

Развивая идею Фрейда (Freud, S. E., 18, p. 63), мы предполагаем, что человеческая психика имеет особую способность осознавать несвязанное или дефектно связанное либидо (объектное или нарциссическое). Страх перед несвязанным либидо является основным пусковым механизмом и сильнейшим мотивом для психического развития и психических процессов, которые занимают место инстинктивных реактивных цепочек животного. В нормальной жизни человек вынужден постоянно жить под угрозой «субтравмы», повторяющегося переживания небольших количеств несвязанного либидо.

Энергия либидинозных влечений может быть описана как некоторое непрерывное беспокойство, которое требует взятия под контроль и успокоения. Это не того рода энергия, которая вызывает психические явления, как давление воды или пара заставляет работать энергостанцию или как электричество запускает мотор. Это будоражащее или угрожающее беспокойство субъекта и внутри субъекта, с которым субъект вынужден справляться. Психическое явление в этой связи всегда рассматривается с точки зрения Я как агента, который действует, активно функционирует и имеет выбор различных возможностей. Возможности справиться с беспокойством отчасти ограничены и вытекают из предшествующего развития, а отчасти безграничны и основаны на креативности.

В противоположность многим мнениям, выражаемым в современном психоанализе, мы считаем, что без понятия энергии обойтись невозможно. Ее следует понимать не в физическом смысле, а как понятие, описывающее тяжесть и давление психических содержаний. При рассмотрении психических явлений то, что эта тяжесть и эти давления распределяются в психическом плане достаточно ровно и мобильно, является преимуществом. Понятие физической энергии ведет к построению примитивных (например, гидродинамических) или более развитых механических моделей. Это все энергетические модели типа открытой системы, которые разряжают энергию и получают энергетические импульсы из других систем. На недостатки и нелогичность этих энергетических моделей в психоанализе указывали многие авторы. По этим причинам от понятия энергии столь многие отрекаются (например: Gill, 1977; Rosenblatt, Thickstun, 1977; Swanson, 1977).

Понятие психической энергии, однако, описывает дисперсию катексисов, или веса, только в моделях закрытой системы.

¹⁶ На первый взгляд, это утверждение может выглядеть странным, но повседневный опыт доказывает, что путем сознательного внимания мы способны как рассеять, так и интенсифицировать переживания удовольствия или неудовольствия, оторваться от прошлых или общепринятых значений различных явлений (предметов, переживаний и т. д.), реорганизовать свою понятийную систему по-новому и т. д.

¹⁷ С другой стороны, символическая функция может способствовать тоническому связыванию, делая его возможным через символы и понятия, которые существуют независимо от внешнего мира.

Например, дисперсию либидо в нарциссической патологии можно описать с помощью метафоры в терминах, применимых к нарушенному кровообращению в сосудах; одни психические области страдают от недостатка катексиса нарциссического либидо, тогда как другие затоплены гиперкатексисом либидо, что ведет к функциональным нарушениям. В некоторых областях чрезмерное скопление либидо может быть настолько мощным для хрупкой психической структуры, что возникает нарциссическая травматизация, т. е. «нарциссическое кровотечение». Основным условием для ровного и полноценного кровообращения является достаточно сильное сердце, чтобы принимать и отсылать кровь. Другое необходимое условие – обилие ничем не заблокированных кровеносных сосудов, для свободного прохождения крови. В экономике либидо эквивалентом является достаточный катексис первичного психофизического Я и достаточная способность к психической мобильности и креативности. Когда Фрейд (1914) использовал термин «резервуар нарциссического либидо», который испускает и принимает катексисы, он имел в виду, возможно, нечто подобное.

Известно, что первооснова психического здоровья – это адекватный первичный катексис психофизического Я в период раннего развития. Способность этих катексисов связывать нарциссическое либидо крайне велика, и они имеют предельную важность для экономики либидо. Таким образом, силы для поддержания психического здоровья можно найти в силе катексисов психофизического Я, с одной стороны, и в способности к мобильности и креативности – с другой. Первое обретает особую значимость во времена жизненных тягот, в бедности или в крайних обстоятельствах: в тюрьме или в концентрационном лагере. Первичные физические и психические функции, которые возможны при таких условиях, могут обеспечить тот минимум нарциссического удовлетворения, что необходим для существования. Способность сильно катектировать эти функции, таким образом, оказывается чрезвычайно сильной стороной¹⁸. Второе – способность к подвижным связываниям – делает возможным легкий переход от одной функции к другой, создание новых форм и содержания в меняющихся обстоятельствах в соответствии с каждой преобладающей ситуацией.

В заключение повторим, что формы связывания – это несвязанное, свободно движущееся, тоническое и подвижное связывание. Содержания связываний возникают из врожденных способностей, из воздействия воспитания и культуры и из деятельности, основанной на символической функции.

¹⁸ Это также отчасти помогает понять, почему бег трусцой, йога и т. д. так важны для психического здоровья.

Страх перед несвязанным и управление им: метапсихология психической травмы

С метапсихологической точки зрения, психическая травма – это состояние несвязанной психической энергии, которая превышает реальные способности немедленно связать ее сильнее.

Описание Фрейдом психологии травматического переживания легче понять, если помнить, что повторение предназначено для связывания, а не для обеспечения притока различных сенсорных стимулов, связанных с ситуацией травмы. Речь идет о попытках нарциссического либидо восстанавливать связность и цельность в психическом аппарате, нарциссического либидо, которое эта травматическая сенсорная стимуляция мобилизует, когда лишает его возможности получить удовлетворение во всех ранее известных ему формах, т. е. лишает нарциссического объекта и таким образом всех тех возможностей связывания, которые были достигнуты до сих пор. Это мобилизованное нарциссическое либидо будет плавать как свободное и несвязанное. Оно будет поддерживать возбуждение, и его необходимо связать с каким-нибудь психическим содержанием, чтобы его можно было успокоить психическими средствами. Теперь становится более понятно, почему возникновению травматического невроза препятствует произошедшая одновременно физическая травма, которая предлагает либидо объект, который легко можно переживать как требующий заботы, а значит, требующий либидо.

Часто человек, убежденный, что сейчас умрет, переживает мгновения, когда вся его предшествующая жизнь проходит в сознании. К этим уже существующим фантазиям он затем привязывает либидо, высвобожденное травматической беспомощностью. Люди, которых в последнюю минуту спасли от утопления, часто описывают, как слабея и утопая, они фантазировали о наступающей смерти как о приятном переживании, таким образом перерабатывая травматическую беспомощность.

Понятие травмы воплощает психические события, которые:

- а) являются симптомами существования несвязанной психической энергии (переживаемой как «психический шум» или хаос) – состояния, которое пугает человека больше всего. Эти симптомы состоят в нарушении психической интеграции, вегетативных и психосоматических нарушениях, беспокойстве и ужасе;
- б) представляют собой попытки переработать, овладеть и далее связать: повторение, регрессия и различные катектические процессы, которые часто не следуют принципу реальности, но обеспечивают наилучшую возможную способность к тоническим связываниям;
- с) являются наследием связывающих процессов (структур, функций и психических содержаний), оставшихся от более ранних травматических переживаний, которые повторяются в связи с более поздней травмой, поскольку они уже есть в наличии;
- д) являются попытками предвосхитить и избежать дальнейших травматических состояний; в случае нормы – весь спектр психических событий; в случае патологии – преувеличенные защиты, преувеличенная сигнальная тревога, боязнь любого возбуждения и т. д.

Условия для возникновения несвязанного либидо, иначе говоря, хронической или острой травмы, мощной психической травмы или мягкой подтравмы, весьма разнообразны.

В относительно ненарушенных психических состояниях, как и в состояниях психопатологии, всегда есть элемент, который стимулирует либидо, вызывая беспокойство и увеличивая несвязанное либидо. Вот основные типы таких стимулирующих факторов:

1) Внешними и внутренними либидо-стимулирующими факторами могут быть, например, мощное и длительное сексуальное стимулирование, психические и/или физические стадии роста, такие как пубертат и подростковый возраст, когда стимулируется нарциссическое либидо, или даже переживание социального успеха. Когда давление либидо возрастает, могут возникать трудности с тем, чтобы связать его снова. Такой результат можно назвать парадигмой актуального невроза.

2) Как объектное, так и нарциссическое либидо может утратить свой объект, например, утрата конкретного или абстрактного объекта любви, утрата какой-либо психической или физической функции, трудности с использованием этой функции. Субъект тогда оказывается вынужден преодолевать проблемы, которые представляет собой определенное количество несвязанного либидо. Это можно назвать парадигмой травматической реакции.

3) Мы бы хотели сделать особый акцент еще на одном аспекте, а именно на конфликте. Когда катексис менее развитых связываний чрезмерно вырастает, то под угрозой оказывается существование более развитых форм связывания; иными словами, психические содержания, функции, аффекты и т. д., которые были интегрированы в целое, оказываются смяты и нарушены или оказываются под угрозой быть смятыми и нарушенными вторжением более примитивных психических содержаний и функций. Это, в свою очередь, приводит к либидо-экономическим проблемам: та часть либидо (нарциссического/объектного либидо), которая уже связана более развитыми психическими содержаниями/функциями/структурами, рушится, теряет свое связывание и вновь, так сказать, становится свободно движущимся или несвязанным. Какая-то часть организованного Я, внешнего мира и отношений между ними впадает в дезинтеграцию или угрожает впасть в дезинтеграцию, в хаос. Мы считаем, что здесь кроется метапсихологическое объяснение центральной важности конфликта в психоанализе. Когда конфликт становится актуальным (актуализуется), некоторые его части оказываются под угрозой; та или иная из его частей должна отказаться от своего связывания, со всеми вытекающими отсюда экономическими последствиями (например, тревогой). Альтернативой является совладание с конфликтом при помощи защитных активностей. Этим также объясняется клиническое наблюдение, что повышенный катексис примитивного (не полностью интегрированного) психического содержания может быть травматичен. В случае, если нарушаются более развитые формы связывания (например, восприятие реальности, отношение к Супер-Эго или переживание собственной цельности), то в конечном итоге высвобождается такая масса либидо, что она не может быть немедленно переработана. Здесь мы получаем парадигму конфликта. Концепция энергии была исключена из психоанализа путем утверждения, с одной стороны, что только значения могут быть противоречивы. С другой стороны, значения не создают конфликта без катектического акцента, а энергетические акценты не создают конфликта без противоречия в значениях. Таким образом, мы подошли к тому же самому вопросу, что и Рикёр (Ricoeur, 1970): психоанализ нуждается как в энергетике,

так и в смысловом значении. В психоаналитическом тексте пересекаются два дискурса – энергетический и герменевтический. Психоанализ не является психологией значений. Он является психологией катексисов на значения и значений катексисов.

4) Способности к связыванию снижаются в некоторых токсических и нейрофизиологических состояниях, при сенсорной депривации, во сне и т. д. Фишер с соавт. (Fisher et al., 1973) утверждали, что травматические состояния в форме ночных страхов возникают в глубочайших стадиях сна, когда, как хотелось бы нам добавить, способность к работе со сновидениями доведена до минимума. Снижение по различным причинам психической интеграции и психического овладения повышает тенденцию к переживанию травмы.

Каждое психическое содержание и функция, которые каким-то образом не выполняют своей функции связывать хаотичное, несвязанное либидо, отвергаются и аннигилируются, уничтожаются и декатектируются. Ситуация такая же, как у младенца, который теряет образ матери, если этот образ больше не может обеспечить защиту от боли, вызванной отсутствием матери. Винникотт называл это «эффектом погашения» (wet blanketing). Эти процессы декатектирования могут заходить очень далеко в психозах. В конечном итоге лишь очень немногочисленные фрагменты как-то держатся вместе. Вместо того чтобы переживать психическое содержание, пациент-психотик живет в состоянии хаотичного диффузного возбуждения (Рао, 1977; Salonen, 1979).

Осуществленное выше, в основном метапсихологическое описание процесса связывания следует завершить психологическим описанием. Переживание, параллельное метапсихологическому процессу связывания, можно охарактеризовать как процесс понимания. Переживание понимания является не только интеллектуальным, но также и энергетическим процессом. Понять, «ухватить» в каком-то отношении включает переживание овладения чем-то. Потребность ухватить что-то возбуждается какой-то формой нарушения покоя. Если нет нарушения покоя, это значит, что нет необходимости понимать. Нарушающий покой агент, с психоаналитической точки зрения, – это влечение в его действующей без усталости (беспокойной) безымянной форме. Влечение, таким образом, включает – это следует подчеркнуть – нарциссический компонент либидо. Если найден способ устранить нарушение покоя, значит, ситуация была понята. Ситуация, которая не понята, является травматичной, и влечение остается несвязанным. В таких условиях нет никаких доступных способов устранить нарушение покоя, вызванное влечением, нет никакого пути понять себя и внешний мир, никакого способа понять что бы то ни было (Cohen, 1978).

Есть различные способы ухватить смысл, и в оптимальном случае они гармонично сосуществуют бок о бок. Если есть нарастание патологии, то начинают доминировать наиболее примитивные формы. Часто их функция – это попытка избежать полного хаоса и травматической ситуации с использованием самых последних имеющихся средств. Эмпатию можно рассматривать как наиболее развитую форму понимания себя и других, т. е. способность понимать, схватывать существование в целом.

Процесс связывания в нарциссической психопатологии

Дефицит первичного катексиса Я

Тяжелая психопатология, таким образом, всегда означает усиленную проблему связывания, непрерывную опасность возникновения травмы. Она основана на несовершенных и/или частичных катексисах репрезентаций объекта и Я. По этой причине акцентируются защитные и компенсаторные катексисы и возникают серьезные помехи в поддержании интегрированного целого. И в психоаналитическом процессе постоянно присутствуют страх стимуляции либидо, уход в себя, направленная на Я и на объект деструктивность, поиски оберегающего симбиоза, примитивные защиты (например, расщепление), массивная сигнальная тревога и общий страх перед возбуждением – все это усложняет процесс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.